А 319/21
Кравцов, И.

Ист. Худ. и Быт. Музей
Библиотека
Донского монастыря
сист. № Ш I П 6
инвент. № 297

ОЧЕРКЪ

О НАЧАЛѢ

ТЕРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

Составленъ И. Кравцовымъ.

№ 902.
м. к.

ХАРЬКОВЪ, 1882.
Типографія Исаака Моисеевича Варшавчика.

КП 5183

Глубокочтимому

Архипастырю

Его Преосвященству

Преосвященнейшему Герману

Епископу Кавказскому и Екатеринодарскому.

Почтительное приношение

от Автора

А 319/21

№ 183.

Л. о.

ОЧЕРКЪ О НАЧАЛѢ

Терскаго Казачьяго Войска.

Составленъ И. Кравцовымъ.

ДОНСКАГО МОНАСТЫРЯ.

ХАРЬКОВЪ, 1882.

Типографія И. М. Варшавчика.

Дозволено цензурою 6-го Сентября 1882 г. С.-Петербургъ.
Генералъ-Лейтенантъ *Мацневъ.*

2007056002

Ф-56941-41

ОЧЕРКЪ

О НАЧАЛѢ ТЕРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.
Пушкинъ.

Новая исторія сѣвернаго Кавказа — дѣло потомства; подборъ для нея историческихъ матеріаловъ — дѣло современниковъ.
Бентковскій, авторъ: „Заселеніе Черноморіи“.

I.

По случаю 300-лѣтняго юбилея Терскаго казачьяго войска, въ концѣ 1880 года вышла въ свѣтъ книга, озаглавленная такъ: *„Терскіе козаки съ стародавнихъ временъ, историческій очеркъ“. Сочиненіе Ивана Попки* [1]*). Выпускъ первый „Гребенское войско“.*

Этому сочиненію предшествовала, напечатанная въ 1877 году въ „Военномъ Сборникѣ“ статья Гавріила Абрамова, полковника изъ Гребенскихъ казаковъ. Въ этой статьѣ, объяснивъ что въ приказѣ по военному вѣдомству, 24 марта 1874 года, объявлено Высочайшее повелѣніе о старшинствѣ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ

[1]) Иванъ Діомидовичъ Попка, генералъ-лейтенантъ Кубанскаго казачьяго войска.

войскъ и входящихъ въ составъ ихъ конныхъ полковъ,— а также и то, что старшинство Терскому казачьему войску и Кизляро-Гребенскому полку назначено съ 1577 года, т. е., со времени построенія Терскимъ воеводою Лукьяномъ Новосильцевымъ города Терки, на р. Терекѣ близь устья Сунжи,—авторъ продолжаетъ далѣе разсказъ свой о Гребенскихъ казакахъ въ такомъ видѣ.

Гребенскіе и Терскіе казаки принадлежатъ къ Великорусскому казачеству, которое, какъ извѣстно, раздѣлялось въ прежнее время на казаковъ *вольныхъ*, появившихся на окраинахъ Россіи самопроизвольно и, дѣйствовавшихъ, большею частію, по своему усмотрѣнію, и на казаковъ *городовыхъ*, подчинявшихся мѣстнымъ правительственнымъ властямъ. На Кавказѣ также являются казаки вольные Гребенскіе и казаки городовые—Терскіе. Преданія о происхожденіи Гребенскихъ казаковъ весьма не многочисленны. Къ числу ихъ можно отнести сказаніе, взятое изъ древней лѣтописи и, высѣченное на камнѣ при образѣ Гребневской Божіей Матери, находящемся въ Москвѣ, на Лубянкѣ, въ которой говорится, что великій князь Дмитрій Донской, послѣ Куликовской битвы его съ Мамаемъ, принялъ въ даръ этотъ образъ отъ казаковъ, поселенныхъ въ верховьяхъ Дона въ двухъ городкахъ: *Гребни* и *Сиротинъ* и что казаковъ этихъ великій князь всегда жаловалъ за ихъ великую храбрость. Потомъ есть еще свѣдѣніе, что Гребенскіе казаки, до появленія ихъ на Кавказѣ, были въ Перми, но когда и сколько времени—неизвѣстно. (Сочиненіе Дебу „о Кавказской линіи“) [1].

Первая посылка Русскихъ войскъ на Кавказъ была сдѣлана въ 1559 году Іоанномъ Грознымъ, по просьбѣ Кабардинскихъ князей, для наказанія Шамхала Тарков-

[1]) Въ сочиненіи Дебу *этого* свѣдѣнія мы вовсе не нашли. *Примѣч. автора.*

скаго, за его непріязненное отношеніе къ черкесамъ (Степен. Книг. т. 2 стран. 295). Затѣмъ, въ 1563 году, посланы были туда же, подъ начальствомъ Григорія Плещеева, 500 стрѣльцовъ и 500 казаковъ, для защиты князя Темрюка отъ отпавшихъ отъ него черкесовъ, а въ 1568 году, подъ начальствомъ князя Андрея Бабичева и Петра Протасьева, была снаряжена экспедиція во владѣнія того же князя Темрюка уже въ болѣе значительныхъ размѣрахъ: съ пушками, пищалями и съ плотниками для городоваго дѣла (Александровская лѣтопись). На этотъ разъ во владѣніяхъ князя Темрюка былъ поставленъ городъ, который, впрочемъ, просуществовалъ только до 1571 года и затѣмъ, по настоянію турецкаго султана Селима, Іоаннъ Грозный согласился его упразднить (Истор. Карамзина т. X примѣчаніе 336 и 338). Но въ 1577 году, также по просьбѣ кабардинскихъ князей, былъ посланъ туда воевода Лукьянъ Новосильцевъ, который снова поставилъ городъ на Терекѣ не далеко отъ устья Сунжи, которому было дано названіе *Терки*. По разсказу Лукьяна Новосильцева, сдѣланному имъ императору Рудольфу II, къ которому онъ былъ посланъ въ слѣдующемъ 1578 году, еще до прибытія его на Терекъ, турецкія войска вторглись за р. Сулакъ, во владѣнія Персіи, заняли тамъ города Шемаху и Темирханъ и, оставивъ въ нихъ гарнизоны, возвратились назадъ.

„И Казилбашскій шахъ, продолжаетъ Новосильцевъ, собрався подъ свои городы пришедъ и тѣ свои городы облегъ многою силою. И турецкій султанъ писалъ къ крымскому къ Мегметъ-Гирею царю, чтобъ Мегметъ-Гирей царь шолъ въ Кизилбаши, къ турецкимъ людямъ на помощь, со всею Крымскою ордою, и Крымскій Мегметъ-Гирей царь самъ въ Кизилбаши не пошелъ, а послалъ брата своего Калгу-Алды-Гирея царевича со многою ратью, а какъ Крымскій царевичъ.... шолъ своею

ратью мимо государя нашего городъ Терку и лѣзъ Сунчу рѣку, у Горячева колодезя, а съ нимъ было ратныхъ людей полтретьядцать тысячъ, и прислалъ ко мнѣ государеву воеводѣ, въ Терку, прошати у меня дороги и казаковъ бы мнѣ *государевыхъ* въ то время велѣти унятии, чтобъ имъ Сунчу рѣку отъ *Терскихъ казаковъ* перелѣзти здорово. И какъ Крымскій Алды-Гирей царевичъ перелѣзши Терку рѣку сошелся съ Кизилбашскимъ и кизилбашскіе люди его побили, и Калгу-Алды-Гирея царевича взяли жива и которые люди Крымскаго съ того дѣла утекли и пошли назадъ и перелѣзли Сунчу рѣку далѣе отъ Терскаго города, и намъ про нихъ случилась вѣсть, что они чрезъ Терку перелѣзли безвѣстно, а съ ними было тысячъ съ десять. И азъ ихъ дошедъ, съ Божіею помощью и государевымъ счастіемъ, тѣхъ людей побилъ на голову и лошади ихъ отогналъ (Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи, т. I стран. 944)".

„Послѣ разсказа воеводы Новосильцева, продолжаетъ г. Абрамовъ, является вопросъ: кто были Терскіе казаки, которыхъ опасался Калга-Алды-Гирей и объ „унятіи" которыхъ просилъ воеводу Новосильцева? — и отвѣчаетъ: подъ названіемъ Терскихъ, впослѣдствіи, стали извѣстны тѣ казаки, которые поселены были въ низовьяхъ Терека уже при второмъ городѣ, о которомъ будетъ сказано ниже. А потому нѣтъ сомнѣнія, что Новосильцевъ назвалъ Терскими казаками Гребенскихъ, которыхъ онъ засталъ на *мѣстѣ* уже *поселенными*, и которые только и могли быть извѣстны крымцамъ, встрѣчавшимъ ихъ здѣсь прежде. Это, по мнѣнію г. Абрамова, подтверждаетъ и Іосифъ Дебу въ сочиненіи своемъ о Кавказской линіи (изданномъ въ 1829 году), въ которомъ онъ прямо говоритъ, что первый городъ, построенный русскими на Терекѣ, занимали Гребенскіе казаки".

На эту статью 6 мая 1880 года мы послали г. Абрамову въ Петербургъ отвѣтъ, который заключался въ слѣдующемъ.

„Въ разсказѣ воеводы Лукьяна Новосильцева о построеніи имъ въ 1577 году города на р. Терекѣ противъ устья Сунжи о *Гребенскихъ казакахъ не упоминается ни однимъ словомъ, какъ это иначе и быть немогло, потому что ихъ тамъ въ то время вовсе не было;* что жалобы Калги-Алды-Гирея были, конечно, на тѣхъ же Терскихъ казаковъ, которыхъ привелъ съ собою Лукьянъ Новосильцевъ подъ именемъ городовыхъ, ни чѣмъ, впрочемъ, отъ полевыхъ не отличавшихся и, которыхъ, безъ сомнѣнія, самъ же онъ и подсылалъ къ переправѣ, чтобъ по возможности затруднить шествіе крымцевъ, такъ какъ переправа эта, безъ мостовъ, могла тянутся тогда нѣсколько дней.

Это предположеніе о подсылкѣ казаковъ доказывается еще и тѣмъ, что когда тѣ же крымцы разбитые персіянами, возвращались обратно около горячаго источника, всѣмъ на Кавказѣ хорошо извѣстнаго, то Новосильцевъ, выйдя изъ своего острога, напалъ на крымцевъ и окончательно разбилъ ихъ и разсѣялъ, *при чемъ однако о Гребенскихъ* казакахъ опять таки не говоритъ ни слова“.

А теперь мы прибавимъ еще, что Лукьянъ Новосильцевъ, въ разсказѣ своемъ, говоря о жалобахъ Калги-Алды-Гирея на казаковъ, мѣшавшихъ его переправѣ, называетъ ихъ безразлично сначала *государевыми*, такъ какъ другихъ казаковъ у него и не было, а потомъ *Терскими*, конечно, по городу Терки, ни какого другого вывода изъ этихъ названій и сдѣлать не возможно; но отнюдь не называетъ *Гребенскими*, какъ это усиливается доказать г. Абрамовъ. Если Новосильцевъ назвалъ Терскими казаками Гребенскихъ, какъ говоритъ г. Абрамовъ, потому что будто-бы онъ засталъ ихъ *на мѣстѣ*

уже поселенными и которые только и могли быть извѣстны крымцамъ, встрѣчавшимъ будто-бы ихъ здѣсь прежде,—то является невольно другой вопросъ: какъ же о такомъ важномъ и неожиданномъ открытіи соотечественниковъ—Гребенскихъ казаковъ за Терекомъ, и объ оказанной ими ему помощи, воевода Новосильцевъ не только не упомянулъ въ своемъ разсказѣ ни однимъ словомъ, но даже не донесъ правительству? Надо еще прибавить, что наши древніе воеводы, какъ люди чисторусскіе, были очень чутки къ государственнымъ интересамъ, да и отвѣтственность за нихъ въ тѣ времена была грозная, а потому является невѣроятнымъ, чтобы Новосильцевъ о такомъ важномъ открытіи умолчалъ предъ правительствомъ. Если же гребенцы въ то время давно уже жили за Терекомъ, съ установившеюся организаціей, и были извѣстны правительству, — то опять таки возникаетъ другой вопросъ: какъ-же послѣднее, посылая Новосильцева на Терекъ, не указало ему на Гребенскихъ казаковъ, на случай какого либо съ ихъ стороны содѣйствія? Вѣдь позже, когда гребенцы уже были извѣстны правительству, оно всегда указывало Терскимъ воеводамъ посовѣтоваться съ ихъ атаманами, какъ лучше устроить какое либо предпріятіе, да и сами воеводы не разъ доносили правительству о той пользѣ, какую приносили Гребенскіе казаки, поселенные тогда за Терекомъ, какъ это повѣствуетъ въ своемъ сочиненіи и г. Попка. Отъ чего же ни правительство, ни воевода Новосильцевъ не сдѣлали этого при такомъ важномъ случаѣ, какъ возведеніе новаго города на Терекѣ! Очевидно до ясности, отъ того, что гребенцевъ тамъ вовсе не было, потому что они пришли туда позже построенія г. Терки, какъ это будетъ доказано ниже. Ссылка г. Абрамова на сочиненіе Дебу, въ данномъ случаѣ, не имѣетъ ни какого значенія, такъ какъ и Дебу говоритъ о про-

исхожденіи Гребенскихъ казаковъ отъ Донскихъ, а не отъ Рязанскихъ; а о томъ, что гребенцы, прежде прибытія на Кавказъ, были будто-бы въ Перми,—въ сочиненіи Дебу вовсе ничего не сказано. Точно также и указаніе на крымцевъ, будто-бы встрѣчавшихъ тамъ гребенцевъ прежде,—совершенно голословно и не подкрѣплено никакимъ историческимъ доказательствомъ.

Послѣ этого неизбѣжнаго отступленія, продолжаемъ отвѣтъ г. Абрамову 6 мая 1880 года.

„На какомъ же основаніи факту постройки Новосильцевымъ города Терки, въ 1577 году, вы приписываете начало Гребенскихъ казаковъ? Этого въ вашей статьѣ не сказано и ни чѣмъ это мнимое начало не доказано. Самый важный пробѣлъ въ вашей статьѣ заключается въ томъ, что вы ничего не сказали: откуда, когда и по какой причинѣ явились за Терекомъ Гребенскіе казаки? Объ этомъ, по дѣйствительнымъ *преданіямъ народнымъ*, вы не хотите сказать ни одного слова, говоримъ, не хотите потому, что не могутъ же не быть извѣстны вамъ эти преданія,—тогда какъ разсказываете, напримѣръ, о житьѣ-бытьѣ гребенцевъ за Терекомъ, о разведеніи виноградниковъ грузинками, вывозимыми изъ Грузіи и т. п.; между тѣмъ знать время прибытія бѣжавшихъ съ Дона казаковъ, названныхъ въ послѣдствіи Гребенскими, за Терекъ въ предгорія главнаго Кавказскаго хребта, очень важно въ данномъ случаѣ для того, чтобъ сказать утвердительно: были ли они тамъ во время построенія Новосильцевымъ города на р. Терекѣ? Далѣе вы говорите объ образѣ Гребневской Божіей Матери въ Москвѣ на Лубянкѣ, поднесенномъ великому князю Дмитрію Донскому казаками отъ городковъ Гребни и Сиротина, стоявшихъ въ верховьяхъ Дона; по спрашивается: какое же это, хотя бы малѣйшее, отношеніе имѣетъ къ началу Гребенскихъ казаковъ, жившихъ въ

черныхъ горахъ за Терекомъ, болѣе чѣмъ за 2500 верстъ отъ Москвы,—спустя два вѣка послѣ Мамаева побоища, бывшаго въ 1380 году, т. е., послѣ поднесенія означеннаго образа?“

Послѣ этого, такъ сказать, предварительнаго вступленія, мы перейдемъ къ изложенію въ послѣдовательномъ, хронологическомъ порядкѣ, тѣхъ историческихъ свѣдѣній и мѣстныхъ преданій самыхъ Гребенскихъ казаковъ, изъ которыхъ одни извѣстны были за полвѣка, а другіе около 150 лѣтъ тому назадъ, *о происхожденіи* этихъ казаковъ, чтобъ читатель сразу могъ видѣть, въ чемъ заключается наше несогласіе со взглядами и доводами на это гг. Абрамова и Попки.

1) Первымъ писателемъ является *Ригельманъ*, строитель Кизлярской крѣпости въ 1735 году. Полное заглавіе его книги слѣдующее:

„Исторія или повѣствованіе о Донскихъ „казакахъ, отколь и когда они начало свое имѣютъ „и въ какое время и изъ какихъ людей на Дону посели„лись, какія ихъ были дѣла и чѣмъ прославились и проч. „Собранная и составленная изъ многихъ вѣр„нѣйшихъ Россійскихъ и иностранныхъ исторіевъ, лѣ„тописей, древнихъ дворцовыхъ записокъ и изъ журна„ла Петра Великаго, чрезъ труды, Инженеръ-Гене„ралъ-Маіора и Кавалера Александра Ригельмана „1778 года. Москва. Въ Университетской типографіи „1846 года“.

Ригельманъ, очевидно, человѣкъ весьма любознательный, тщательно собиравшій свѣдѣнія о казакахъ, какъ во время построенія Кизлярской крѣпости, такъ и послѣ; ѣздилъ на Донъ, съ такою же цѣлію, составилъ и приложилъ къ своему сочиненію современную карту земли Войска Донскаго и рисунки одежды Донскихъ казаковъ.

Въ этой исторіи, послѣ Донскихъ казаковъ, все, что Ригельманъ говоритъ о другихъ казакахъ, мы отъ страницы 138 до 141 выписываемъ собственными его словами съ буквальною точностію:

„О происшедшихъ казакахъ отъ Донцовъ".

Сибирскіе.

„Отъ сихъ то казаковъ произошли и прочіе, какъ-то: „первые Сибирскіе, отъ 1579 году, отъ коихъ и до ны„нѣ тамо имѣются, какъ выше явствуется, зашедшіе „съ атаманомъ Ермакомъ Тимофѣевымъ, и тамъ по немъ „оставшіе, и грамотами Царскими на житье, и казаками „Сибирскими причислены".

Яицкіе.

„Затѣмъ Яицкіе казаки, ушедшіе же съ Дону для „промысловъ своихъ съ атаманомъ своимъ, Василіемъ „Гугинымъ, на Яикѣ быть стали и цѣлое войско по„томъ набрали себѣ. Чаятельно, что оные съ Дону изъ „станицы Гугинской вышли. Сіе заставляетъ думать „названіе оной, которое либо отъ станишнаго того го„родка прозвище себѣ получилъ, или городокъ оной по „немъ, Гугинѣ, пропменовавшись остался".

Гребенскіе.

„Отъ тѣхъ же казаковъ, кои отъ поиска и поимки „воеводы Мурашкина, съ Волги бѣжали на Куму и на „Терекъ рѣки [1]), оказались *Гребенскіе* казаки и извѣст„ны стали. Умноженіе же ихъ стало отъ временъ пер„ваго бунтовства въ Астрахани, когда Донской казакъ „Ивашко Заруцкой, съ бывшею женою, двухъ извѣст„ныхъ самозванцевъ, Мариною, который хотѣлъ быть, „по убійствѣ послѣдняго, черезъ пасынка своего, сына „Маринкина Ивашки, Московскимъ царемъ, съ сообщни„ками своими, укрываючись отъ поисковъ за нимъ, при„бѣжалъ въ Астрахань и стрѣльцовъ тамошнихъ и каза„ковъ на свою сторону въ мятежность и бунтъ, въ 1614 „году привелъ, и Астраханскаго воеводу, князя Ивана „Хворостинина, казнилъ, и въ ономъ зимовалъ, А по „возмущеніи города, и по многомъ учиненномъ во оном„ъ „убивствѣ, насиліи и хищеніи народу, какъ объ оном„ъ „лѣтопись о многихъ Россійскихъ мятежахъ пишетъ. „такъ равно сему свидѣтельствуетъ отъ Великаго Госу„даря Царя Михаила Федоровича, 1614 году, апрѣля въ „3-й день состоявшая грамота къ зимовавшимъ въ Ка-

---

[1]) Это древній транзитный путь отъ Азова на Куму и Терекъ, а далѣе въ Дагестанъ и Персію, вдвое кратчайшій и безопаснѣйшій противъ пути рѣчнаго по Волгѣ, а затѣмъ морскаго къ устьямъ р. Терека. Этотъ путь пересѣкаетъ Кавказскій перешеекъ съ запада на востокъ. По срединѣ его отъ р. Кумы отдѣляется другой тоже древній сухопутный трактъ, идущій между рѣками Дономъ и Волгою во внутреннюю Россію, такъ называемый нынѣ Царицынскій, отъ котораго въ свою очередь отдѣлялась вѣтвь на Воронежъ, Тулу и Москву, по верховьямъ рѣкъ Медвѣдицы, Хопра, Воронежа, Дона и Оки. По этимъ то путямъ русскіе князья ѣздили въ Орду и по нихъ же ходили туда русскіе полки на службу къ ханамъ еще въ XIII вѣкѣ, какъ это ниже въ примѣчаніи объяснено. *Примѣч. автора.*

„зани съ ратью, стольнику и воеводамъ ко князю Юрью „Яшечу Сулешеву, да ко князю Никитѣ Петровичу „Борятинскому, о поискѣ и поимкѣ, сухопутно съ кон- „ною ратью вора, возмутителя Ивашку Заруцкаго, и съ „нимъ ту извѣстную Маринку, съ товарищами, ворами-жъ „Черкассы (Запорожцы) и казаками, кои не только „Астрахань, но и многіе понизовые наполные города въ „возмущеніе привели, а судовою ратью для тогожъ къ „Астрахани слѣдовать велѣно было боярину и воеводамъ, „князю Ивану Никитичу Меньшему Одоевскому, да „окольничему Семену Васильевичу Головину, да дьяку „Василію Юдину, ушелъ. Когда предупредилъ выше „упомянутыхъ посланныхъ воеводъ, по присланному увѣ- „домленію изъ Астрахани, Терской воевода, Петръ Го- „ловинъ, присылкою отъ себя казанца Хохлова съ рат- „ными людьми къ Астрахани, отъ сихъ поисковъ и о „востаніи астраханцевъ, самъ Заруцкій съ Маринкою и „съ сообщниками своими бѣжалъ на Яикъ, а прочіе за „Волгу и тамъ за Теркомъ рѣкою въ Гребняхъ, то есть „въ горахъ и ущельяхъ, съ такими жъ воровскими Гре- „бенскими казаками поселились, а потомъ отъ разбойни- „ка Андрюшки Килбака, затѣмъ отъ бѣжавшихъ же съ „Дону 1620-го и 1658-го, для раскола, также отъ шай- „ки разбойника, Стеньки Разина, отъ 1671-го и отъ „оставшей-же артели разбойника-жъ, бывшаго въ 1687 „году, на Кумѣ рѣкѣ, потомъ близь Каспійскаго моря, „на Есулакѣ, Костюка, и отъ бывшихъ въ 1698 годѣхъ, „ушедшихъ же бунтовщиковъ стрѣльцовъ, наконецъ, бѣ- „жавшихъ же для раскола жъ съ Дону Кумскихъ каза- „ковъ (какъ то и изъ числа таковыхъ же въ Черкесахъ „были, по объявленію тамошнихъ, и жительство имѣли „двумя деревнями, а именно: одна въ Большой Кабар- „дѣ, при устьѣ р. Газы, впадающей въ р. Урюфъ, а „опая втекаетъ въ Терекъ, съ лѣвой его стороны и на-

„зывались Кажаравцы, другая въ Малой Кабардѣ-жъ, „въ самомъ ущельѣ Татаръ-Туповомъ, которое урочище „состоитъ близъ рѣки Терка, и ниже впадающей во „оной рѣчкѣ, Аксъ, съ лѣвой же ея стороны) первона„чальное убѣжище таковыхъ бѣглецовъ было, по объяв„ленію Гребенскихъ старожиловъ, за Теркомъ въ самой „нынѣшней Кабардѣ и части Кумыцкаго владѣнія въ „Гребняхъ, въ урочищахъ: Голаго Гребня, въ ущельѣ „Павловомъ при Гребнѣ и ущельѣ Кашлаковскомъ и „при Пимоновомъ Дубѣ. Оныя урочища званія свои по„лучили отъ начальниковъ тѣхъ бѣглецовъ“ [1]).

„Послѣ того, когда по частымъ на нихъ отъ живу„щихъ близъ ихъ Горскихъ людей, набѣгамъ, чинились „имъ безпокойства и ущербъ людямъ и скоту принуж„дены изъ тѣхъ мѣстъ выйтить и поселились на сей „сторонѣ рѣки Терка жъ, тремя деревнями: Кордюкова, „Гладкова и Щадринъ, по прозваніямъ осадчиковъ сво„ихъ. Потомъ для лучшей безопасности своей, огороди„ли и укрѣпили деревянными заплотами, и именовать „стали ихъ городками“.

„По семъ когда ихъ пріумножилось, чрезъ выше-

---

[1]) Мѣстность выше описанная, на которой поселились первоначально гребенцы, подтверждается еще и имѣющимися у насъ въ копіи контрактомъ, заключеннымъ Гребенскаго войска, Червленнаго городка станичнымъ атаманомъ Степаномъ Гулаевымъ, сотникомъ Яковомъ Леонтьевымъ, хорунжимъ Никитою Федоровымъ и прочими старшинами и казаками съ Кабардинскимъ княземъ Давлетъ-Гиреемъ Баматомъ Бековичемъ-Черкасскимъ 19 іюня 1765 года, стало-быть 116 лѣтъ тому назадъ, въ которомъ сказано: „пунк. 1-й, съ марта мѣсяца, съ 1-го числа до Петрова дни по урочищу *Павлову-щель и Павловъ камень* табуновъ конскихъ и скотскихъ и овецъ, безъ дозволенія нашей станицы старшинъ и казаковъ не пасти, *и на Гребнѣ*, противъ нашего городка, безъ дозволенія нашей же станицы, не рубить лѣсъ, Давлетъ-Гиреевымъ подвластнымъ. *Примѣч. автора.*

„объявленныхъ прибѣгающихъ къ нимъ людей, за утѣ-„сненіемъ къ житію ихъ жилищъ, построили еще два „городка Новогладкой и Червленой, и съ онаго времени „стало ихъ пять станицъ, и до нынѣ находятся. Ихъ „на жалованье состоитъ 500 казаковъ при одномъ вой-„сковомъ атаманѣ съ старшинами".

„Во время первоначальнаго поселенія ихъ, они и въ „супружество себѣ посягали совокуплялись такъ равно, „какъ Донцы съ плѣнницами своими и съ прочими при-„ходящими и привозимыми ими отъ разныхъ мѣстъ „женщинами. И были по объявленію Терскихъ старо-„жиловъ, столь же безчеловѣчны въ погубленіи сперва „родившихся дѣтей своихъ, какъ Донскіе и Яицкіе ка-„заки, о коихъ послѣднихъ Оренбургская топографія „обстоятельно повѣствуетъ. Наконецъ, принеся свою по-„винность также въ подданство отчизнѣ своей пришли „какъ и первые. О семъ обстоятельно описано въ кни-„гѣ „Изъясненіе о Кизлярской крѣпостя", мною сочи-„ненной 1758 году въ главѣ 17 о началѣ нынѣшняго „жительства Гребенскихъ казаковъ на Теркѣ.

Терскіе семейные.

„Находящіеся же при Кизлярѣ, *Терскіе семейные* казаки „также съ Дону переведены, а именно: по указу госуда-„ря императора, Петра Великаго, 1724 году, переведены „были на Сулакъ къ крѣпости Честнаго Креста, отъ Дон-„скаго войска, для охраненія отъ набѣговъ воровскихъ „людей, и для содержанія тамошнихъ околичныхъ мѣстъ. „Они были поселены при рѣкахъ Аграханѣ, пятьсотъ, »да *въ Гребняхъ на Сулакъ* [1]) пятьсотъ же, итого ты-

[1]) Здѣсь опять говорится о поселеніи Донскихъ казаковъ на *Гребняхъ* горъ на Сулакѣ. Не удивительно по этому, что Терскихъ казаковъ, жившихъ на низу этой рѣки, безразлично разные писатели называли то Терскими, то Гребенскими. *Но настоящіе пред-*

„сяча семей, гдѣ и жительствовали пятью городками; но „по возвращеніи обратно Персіи тамо всѣхъ, Государемъ „завоеванныхъ отъ нихъ, мѣстъ и городовъ и по оставле„ніи впустѣ крѣпости Святаго Креста со всѣми город„ками, по указу государыни императрицы Анны Іоан„новны. 1735 году, какъ весь гарнизонъ, такъ жители „и казаки оные переведены и поселены на рѣкѣ Терекѣ, „при Кизлярѣ рѣчкѣ въ крѣпости Кизлярской, а послѣд„ніе выше оной по Терку жъ рѣкѣ, въ 7 верстахъ, тремя „городками первый Бороздинскій, другой Дубовскій тре„тій Каргалинской. Оныхъ состоитъ нынѣ только пять„сотъ при одномъ войсковомъ атаманѣ съ старшинами".

Терскіе.

„*А древніе Терскіе казаки,* жительствующіе при са„мой Кизлярской крѣпости, коихъ состоитъ нынѣ толь„ко триста семей, имѣютъ своихъ ротмистровъ 3, хо„рунжихъ 3 и писаря одного. Сіи казаки не изъ числа „Донцовъ, но присланы съ верховыхъ россійскихъ го„родовъ по указамъ прежнихъ царей, какъ-то еще отъ вре„мени царя Ивана Васильевича Втораго, и поселены „были при первомъ построенномъ Терскомъ городѣ, при „Теркѣ, а потомъ при Терскомъ редутѣ, что было при „устьѣ оной рѣки, на взморьѣ, оттоль же переселены

ки нынѣшнихъ Гребенскихъ казаковъ, пришедшіе за Терекъ сухимъ путемъ чрезъ Куму и поселившіеся за Сунжей—*никогда на низовьяхъ Терека не жили*, а когда при Петрѣ Великомъ предполагали ихъ переселить на р. Сулакъ въ новой крѣпости Св. Креста, то они даже возпамѣрились было уйти за Кубань, вслѣдствіе чего переселеніе это было вовсе отмѣнено, какъ значится въ сочиненіи Бентковскаго: *О распространеніи колонизаціи на Кавказѣ.*

Прим. автора.

„въ крѣпость Честнаго Креста, отколь уже переведены „къ оной Кизлярской крѣпости, такъ какъ и Терскіе „семейные. О коихъ вообще точнѣе описано въ книгѣ „Изъясненіе о Кизлярской крѣпости“.

2) Вторымъ былъ Дебу, служившій на Кавказѣ шестьнадцать лѣтъ, командовавшій лѣвымъ флангомъ Кавказской линіи и переведенный отсюда въ Оренбургскій край тамошнимъ гражданскимъ губернаторомъ. Сочиненіе его озаглавлено такъ:

„О Кавказской линіи и присоединенномъ къ ней Чер„номорскомъ войскѣ, или общія замѣчанія о поселен„ныхъ полкахъ, ограждающихъ Кавказскую линію, и о „сосѣдственныхъ горскихъ народахъ. Собранныя дѣй„ствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ „Іосифомъ Дебу съ 1819 по 1826 годъ. С.-Петербургъ, „въ типографіи Крайя, 1829 г.“.

Въ этой книгѣ сказано слѣдующее:

„1) § 21, стр, 43. Смутныя времена Россіи при самозванцахъ и въ нашествіи враговъ ея, способствовали умноженію числа сихъ казаковъ, (авторъ выше говоритъ о Донскихъ казакахъ), и распространенію жилищъ ихъ по всему Дону и впадающимъ въ него рѣкамъ: Донцу, Медвѣдицѣ, Хопру и Бузулуку. Нѣкоторая часть виновныхъ, опасаясь наказанія за разбои, причиненные на Волгѣ и служившіе къ уничтоженію торговли, возстановленной въ царствованіи Іоанна Васильевича Грознаго съ Персіею, ушла съ Ермакомъ въ Сибирь. *Другіе же изъ нихъ, съ главнымъ своимъ атаманомъ, удалились по Каспійскому морю къ Кавказскимъ горамъ, тамъ, получивъ въ преступленіи своемъ прощеніе отъ государя, переведены они на Терекъ и прозвались гребенскими казаками*“.

„2) § 22, стран. 45. По взятіи въ 1554 году, *Астрахани*, Кумыки и другіе сосѣдственные народы, по

встрѣтившимся неудовольствіямъ, перешли подъ защиту и зависимость бывшей крѣпости *Терки* [1]). По уничтоженіи оной въ 1722 году, переведены были въ крѣпость *Св. Креста*, на р. *Сулакъ;* по причинѣ же умноженія числа больныхъ въ гарнизонѣ сію крѣпость занимав-

---

[1]) Какъ о бывшей крѣпости Терки, такъ и объ обстоятельствахъ служившихъ къ первоначальному основанію Кавказской линіи, старался я собрать изъ разныхъ сочиненій, всѣ свѣдѣнія до сего относящіяся. Вотъ они: городъ *Терки* въ прежнія времена называемый по рѣкѣ *Тюменкѣ*, составляющей одинъ изъ протоковъ на кои раздѣляется впадающая своими устьями рѣка *Терекъ*: Тюменъ (*Тюменъ* на Татарскомъ языкѣ значитъ десять тысячъ) — пришедшіе, по покореніи въ 1559 году Тюменскаго князя *Алиша* подъ Россійскую державу, укрѣпленъ былъ, по тогдашнему обыкновенію деревянными стѣнами и башнями и снабженъ Россійскимъ гарнизономъ. О первоначальномъ его поселеніи Россійскими жителями нѣтъ до сего вѣрныхъ свѣдѣній, но извѣстно что сіе учинилось при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ съ 1534 по 1584 годъ *), и что до сего уже въ Теркѣ находились *Гребенскіе* казаки **). Гарнизонъ сверхъ присланныхъ изъ Москвы стрѣльцовъ, состоялъ большею частію изъ Гребенскихъ, Уральскихъ и Донскихъ казаковъ, кои впослѣдствіи времени вообще названы *Терскими* казаками и состояли подъ опредѣленнымъ отъ тамошняго воеводы особымъ своимъ начальникомъ. По построеніи Императоромъ Петромъ 1-мъ въ 1722 году, около р. Сулака въ 20 верстахъ отъ Дербента, крѣп. Св. Креста, куда переведенъ былъ и Терковскій гарнизонъ, Терки же былъ срытъ, а спустя нѣкоторое время даже и мѣсто, гдѣ городъ сей находился потоплено было моремъ.

Примѣч. Дебу.

---

*) Эти годы означаютъ только начало и конецъ царствованія Грознаго: въ 1534 онъ воцарился, а въ 1584 скончался. Болѣе ни какого значенія имъ придавать нельзя. Примѣчаніе автора.

**) Извѣстно, что первые казаки въ этотъ нижній городокъ Терки бывшій при устьѣ Терека, на взморьѣ, были сведены съ верхняго городка Терки отъ устья Сунжи, тѣ которыхъ привелъ съ собой изъ сѣверныхъ городовъ воеводa Лукьянъ Новосильцевъ, а Дебу называетъ ихъ Гребенскими неправильно, потому что настоящіе Гребенскіе казаки никогда тамъ не жили, какъ это выше мы уже сказали. Примѣчаніе автора.

шемъ, *переселены были,* по заключенію въ 1736 году съ Персіею договора, *означенные казаки* (выше Дебу говоритъ о гребенскихъ) *вмѣстѣ съ семействами по правую сторону рѣки Терека, при пограничной крѣпости Кизлярѣ,* въ которой по торговымъ выгодамъ съ Кумыками и горскими народами, присоединились и разнаго званія переселенцы, составляющіе нынѣ *Терское Кизлярское войско* и значущее поселеніе сего города".

„3) (Стран, 54, 55 и 56). Гребенскіе казаки имѣютъ одно происхожденіе съ семейными (изъ Донцовъ). Возмущеніе, происшедшее на Дону въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (съ 1613 по 1645 г.), по происканъ извѣстной Маріи Мнишекъ, жены двухъ Лжедимитріевъ и сочетавшейся наконецъ съ казачьимъ полковникомъ Иваномъ Заруцкимъ, отъ коего надѣялась она сильной подпоры и вспомоществованія въ своихъ предпріятіяхъ, понудила часть бунтующихъ донскихъ казаковъ искать себѣ удобнѣйшаго пристанища внѣ земли принадлежащей Донскому войску" [1]).

„До 1711 году жительство имѣли они съ горскими народами, за рѣкою Терекомъ при устьѣ Сунджи, но въ ономъ году переселены генералъ-адмираломъ Апраксинымъ на сей берегъ въ пяти станицахъ: Курдюковской, Старогладковской, Новогладковской, Шадринской и Червленной, къ чему не мало способствовали претерпѣваемыя тогда ими отъ чеченцевъ притѣсненія, не взирая на вспомоществованіе въ грабежахъ ими чинимыхъ".

„Гребенское войско, по переселеніи своемъ, держась прежнихъ съ чеченцами въ горахъ навыковъ, отличает-

[1]) Причины и время удаленія Гребенскихъ казаковъ отъ прежнихъ своихъ жилищъ показываются не единообразно, какъ видно изъ прежнихъ о нихъ, здѣсь упомянутыхъ, замѣчаній. И посему трудно опредѣлить въ точности время переселенія ихъ по Каспійскому морю. *Примѣч. Дебу.*

ся отъ прочихъ поселенныхъ казаковъ не только въ одеждѣ обоего пола и въ образѣ жизни, но и въ дѣйствіи оружіемъ".

„(Стран. 90). Гребенскіе казаки во время жительства своего, (хотя въ маломъ числѣ), за Терекомъ защищаемы были чеченцами, копмъ вспомоществовали въ разбояхъ; но по умноженіи ихъ, защитники сіи сдѣлались притѣснителями какъ казаковъ, такъ и сосѣдственныхъ народовъ".

3) Въ исторіи Войска Донскаго, Владиміра Броневскаго, составленной по собраннымъ на Дону матеріаламъ и преданіямъ, которая была начата съ 1831 года и издана въ 1834 году, между прочимъ, о происхожденіи гребенскихъ казаковъ говорится слѣдующее: „Въ „1572 году ужасный голодъ свирѣпствовалъ въ Тавридѣ. „Казаки донскіе и днѣпровскіе непрестанными набѣгами „опустошали улусы ея: первые, нечаяннымъ нападеніемъ „ворвались даже въ Азовъ и хотя не могли въ немъ „удержаться, но сею смѣлостію изумили султана".

„Вскорѣ донскіе казаки въ 1577 году своею дерзостію „удивили и царя. Они при первыхъ подвигахъ своихъ „заслужили и похвалу и опалу, то были честными воин„ами, то мятежниками и грабителями. Гнѣвные отзы„вы царя Іоанна Васильевича о сей вольницѣ, въ пись„махъ къ султану и ханамъ Таврическимъ, были къ со„жалѣнію справедливы: ибо казаки дѣйствительно раз„били купцовъ и пословъ на пути ихъ въ Москву, гра„били самую казну государеву, нѣсколько разъ заслужи„вали опалу, нѣсколько разъ высылались дружины воин„скія на берега Дона и Волги чтобы разогнать сихъ „хищниковъ. Такъ въ 1577 году, стольникъ Иванъ Му„рашкинъ, предводительствуя сильнымъ отрядомъ, мно„гихъ изъ нихъ взялъ и казнилъ, но другіе не смири„лись, уходили на время въ пустыни, снова являлись

„и злодѣйствовали на всѣхъ дорогахъ, на всѣхъ перево-
„захъ, въ быстромъ набѣгѣ взяли (въ 1580 году) даже
„столицу Ногайскую Сарайчикъ, не оставили тамъ кам-
„ня на камнѣ, и вышли съ знатною добычею, раско-
„павъ самыя могилы, обпаживъ мертвыхъ".

„Въ 1578 году крымскій ханъ Магметъ-Гирей, трево-
„валъ, чтобы царь свелъ казаковъ съ Днѣпра и Дона,
„ему отвѣчали, что первые служатъ Баторію, а вторые
„суть бѣглецы россійскіе и литовскіе, коихъ велѣно
„казнить, гдѣ явятся въ нашихъ предѣлахъ".

„Подобную политическую отговорку мы встрѣтимъ не
„одинъ разъ".

„Къ числу буйныхъ грабителей, прославившихся рѣд-
„кимъ удальствомъ, неослабно преслѣдованныхъ и же-
„стоко наказанныхъ стольникомъ *Мурашкинымъ*, при-
„надлежали тогда казаки: Ермакъ Тимофеевичъ, Иванъ
„Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй
„Мещерякъ. Ермаку, избранному старшиною отъ Кача-
„линской станицы, поручено было въ 1577 году охра-
„нять границы отъ Астрахани до р. Дона. Ермакъ вмѣ-
„сто того, чтобы охранять, явился разбойникомъ на
„Волгѣ, навелъ ужасъ не только на мирныхъ путеше-
„ственниковъ и купцовъ, но и на всѣ улусы кочевыхъ
„народовъ Россіи подвластныхъ. Не удовольствовавшись
„симъ, вошелъ онъ въ Каспійское море и тамъ пото-
„пилъ суда персидскихъ и бухарскихъ пословъ и завла-
„дѣлъ всѣхъ ихъ имуществомъ. Войсковой атаманъ, по
„волѣ царя, созвалъ народъ для совѣщанія на кругъ,
„гдѣ опредѣлено: Ермака и всѣхъ его сообщниковъ
„взять и подъ стражею отослать въ Москву, рядовыхъ
„же казаковъ служащихъ подъ начальствомъ его, при
„сборѣ наказать хлопьями. Государь осудилъ Ермака,
„съ четырьмя его атаманами на смерть лютую и позор-
„ную".

„Въ продолженіи болѣе 20 лѣтъ, казаки толпа за тол-„пой выходили съ Дона на добычу, на грабежъ своихъ „соотечественниковъ и промышляли въ окрестностяхъ „Астрахани, по Волгѣ, Яику, Кумѣ и Кубани Но какъ „грозный царь принималъ, какъ выше сказано, строгія „мѣры къ прекращенію разбоевъ, и самое войсковое пра-„вительство въ томъ царю по возможности способствова-„ло, то многіе изъ нихъ избѣгая казни, оставили свою „родину, и искали пустынь, откуда бы удобнѣе и без-„наказанно, можно было производить грабительство.

„По отшествіи Ермака въ Сибирь съ первою разбой-„ничьею шайкою, вторая состоявшая изъ трехъ сотъ „Донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Ан-„дрея, вышла изъ Волги на Каспійское море, гдѣ нѣко-„торое время съ успѣхомъ продолжала свои поиски; но „претерпѣвъ кораблекрушеніе, оставшіеся удальцы скры-„лись въ Кавказскихъ горахъ, и тамъ въ одномъ ущельѣ, „нашедъ опустѣвшій городокъ, въ немъ засѣли и укрѣ-„пились, назвавъ его по имени атамана своего *Андреев-„скою* деревнею, и по нынѣ подъ именемъ Ендери и „Андре извѣстной. Кумыки и Тавлинцы не могли ни-„какъ ихъ оттуда выгнать. Сіи казаки назывались *Гре-„бенскими*, принявъ сіе названіе отъ гребней горъ, на „которыхъ они поселились. Вскорѣ получивъ отъ госу-„даря въ преступленіи своемъ прощеніе, гребенскіе ка-„заки (около 1580 года) переведены на Терекъ къ Тер-„скому городку, гдѣ въ послѣдствіи вмѣстѣ съ присое-„диненными къ нимъ московскими стрѣльцами, донски-„ми и уральскими казаками, названы Терскими казаками“.

4) Первый наказный атаманъ бывшаго Кавказскаго казачьяго линейнаго войска, получившаго образованіе въ 1832 году, изъ разныхъ казачьихъ частей на кавказ-ской линіи поселенныхъ, генералъ-маіоръ Верзилинъ по-требовалъ, отъ командировъ этихъ частей, представле-

нія подробныхъ историческихъ описаній о происхожденіи ихъ. На это бывшій командиръ гребенскаго казачьяго полка, ротмистръ, (въ послѣдствіи полковникъ), графъ Штейнбокъ рапортомъ 3-го марта 1835 года за № 154 донесъ генералу Верзилину, „что о первоначальномъ по„селеніи на Кавказѣ казаковъ бывшаго гребенскаго вой„ска ни какихъ документовъ не сохранилось, которые „съ войсковымъ архивомъ многіе лѣта тому назадъ сго„рѣли. *Изъ преданія до нынѣ существующаго,* можно „заключить слѣдующее: предки гребенскихъ казаковъ „были казаками Ермака и когда при царѣ Иванѣ Ва„сильевичѣ Грозномъ отважный сей атаманъ предпріялъ „съ казаками завоеваніе сѣвера, отъ него отдѣлился нѣ„который Андрей, съ приверженными ему казаками, при„велъ ихъ въ кумыкскія владѣнія, гдѣ и поселился на „берегу рѣки Акташа, назвалъ новое поселеніе своимъ „именемъ—деревн. Андреевскую-Кумыкскою на противъ „крѣпости Внезапной лежащую, которая до нынѣ сохранила „свое названіе, и часто тамъ на старыхъ кладбищахъ въ „землѣ попадаются серебряные кресты, доказывающіе „что здѣсь когда то жили христіане. Кумыки и сосѣд„ственные имъ въ то время непокорные народы, видя „въ новыхъ пришельцахъ людей отважныхъ и предпрі„имчивыхъ, стали жить съ ними дружески, подкрѣпля„ли отношенія свои родственными связями, выдавая „своихъ дѣвъ за казаковъ. При Великомъ Петрѣ каза„ки гребенскіе *покорились законной власти* и испол„няя повелѣніе царя переселились отъ берега р. Акта„ши на правый берегъ р, Терека противъ нынѣшняго „расположенія полка“.

5) Въ 1842 году, бывшій наказный атаманъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска генералъ-лейтенантъ *Николаевъ,* предъ отправленіемъ своимъ въ С.-Петербургъ въ отпускъ, (въ первый разъ по вступленіи въ

настоящую должность въ исходѣ 1837 года), поручилъ, подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ, хорунжему *Бентковскому*, тогда еще молодому офицеру (впослѣдствіи автору: „Заселенія Черноморіи“ и многихъ другихъ монографій, какъ объ этомъ будетъ сказано далѣе) составить „краткій очеркъ исторіи Кавказскаго линейнаго казачьяго войска“. Генералъ Николаевъ родомъ изъ донскихъ казаковъ былъ предъ назначеніемъ въ атаманы Кавказскаго войска—начальникомъ штаба на Дону и зналъ основательно исторію Донскаго казачества. Составленный Бентковскимъ „Краткій очеркъ исторіи“ былъ тщательно просмотрѣнъ Николаевымъ и представленъ имъ въ Петербургъ Августѣйшему Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ, нынѣ въ Бозѣ почившему Императору Александру Николаевичу.

Въ этомъ очеркѣ изложено слѣдующее:

1-й Гребенскій полкъ.

„Въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, около 1584 года, толпы донскихъ казаковъ, повинуясь врожденному удальству и духу свободы, болѣе нежели долгу подчиненности, удалялись съ Дону, промышлять въ окрестностяхъ Астрахани, по Волгѣ, Яику, Тереку, Кумѣ, и Кубани, и, опасаясь правосудія *Грознаго*, уже не возвращались на родину. Въ тогдашнее время слово *промышлять*, имѣло смыслъ нынѣшняго грабить. Сначала разбои, потомъ охота и рыболовство, были обычными занятіями казаковъ, на юго-восточныхъ берегахъ Каспійскаго моря, вполнѣ тогда соотвѣтствовавшихъ ихъ наклонностямъ и цѣли. Это послужило поводомъ, что сподвижникъ Ермака, Андрей, не пожелалъ отправиться съ нимъ на сѣверъ и отдѣлившись съ тремя стами дон-

скихъ казаковъ, привелъ ихъ въ Кумыкскія владѣнія и тамъ въ ущеліи Кавказскихъ горъ, на берегахъ рѣчки Акташе, основалъ поселеніе [1]) и, назвавъ оное по имени своемъ Андреевскимъ, которое извѣстное и нынѣ русскимъ подъ названіемъ Андреевской деревни, а горцамъ подъ именемъ *Ендери* и *Андре*, а жители этой деревни и теперь еще называются андреевцами. Время отъ времени прибывали къ нимъ подобные же удальцы, бѣжавшіе съ Дону, и поселялись въ сосѣдствѣ первыхъ, называя себя гребенцами и гребенскими казаками. Полагаютъ, что названіе это они приняли отъ гребней горъ, за которыми поселились, но мнѣ кажется, что это было бы слишкомъ отвлеченнымъ названіемъ, для тогдашнихъ казаковъ. Могло случиться и обратно, и вѣроятнѣе, что атаманомъ пришедшихъ былъ какой нибудь казакъ, по прозванію Гребень, отъ котораго и казаки приняли названіе гребенцевъ, а впослѣдствіи и самыя горы названы гребенскими или гребнями. Мнѣніе свое я основываю на томъ, что на Дону только въ недавнее время полки перестали называться прозваніями своихъ командировъ. Слѣдовательно, такой обычай былъ древній и общепринятый, между донцами. Какъ бы то ьпрочемъ не случилось, но кумыки и тавлинцы, видя въ новыхъ пришельцахъ людей отважныхъ и предпріимчивыхъ, стали жить съ ними дружно, дружбу свою подкрѣпляли связями супружескаго родства. Слѣдствіемъ таковыхъ сближеній и по нынѣ остался въ гребенскихъ казакахъ, рѣзкій оттѣнокъ азіатизма, въ нѣкоторыхъ обычаяхъ, самой физіономіи, костюмѣ женщинъ, и одеждѣ казаковъ, которую, какъ бы наслѣдственно, переняло все войско“.

---

[1]) Въ древнемъ опустѣломъ городѣ обнесенномъ каменной стѣною. [illegible] *Примѣч. Бентковскаго.*

„Съ того времени и почти до конца царствованія Петра Великаго, о гребенскихъ казакахъ и андреевцахъ нѣтъ ни какихъ свѣдѣній [1]). При открытіи персидкаго похода, Петръ 1-й отправился изъ Астрахани моремъ, и на пути своемъ въ Дербентъ, остановился съ флотиліею въ Аграханскомъ заливѣ а бригадира Ветерани, отправилъ изъ Астрахани сухимъ путемъ, съ четырмя драгунскими полками, въ Аграханскій укрѣпленный лагерь: 27-го іюля 1722 года, когда государь служилъ молебенъ благодарственный, въ память побѣды подъ Ганго-Удомъ, терскій казакъ прибылъ къ царю съ извѣстіемъ, что Ветерани, былъ встрѣченъ андреевцами, засѣвшими въ ущеліяхъ, и, потерявъ до 80 человѣкъ убитыми, остановился, удерживая за собою позицію, а полковнику Наумову приказалъ обойти ихъ тылъ. Порученіе это Наумовъ выполнилъ успѣшно, взялъ приступомъ Андреевскую деревню, разграбилъ и превратилъ въ пепелъ.“

„Такъ упоминаетъ о томъ Соймоновъ, въ запискахъ своихъ о событіяхъ того времени, а Императоръ, 30 августа, между прочимъ писалъ сенату: „къ бригадиру „Ветеранію посланъ былъ указъ, чтобы онъ шелъ къ „Андреевской деревнѣ и опую разорилъ, ежели не укрѣп„лена какъ слухъ носился, и когда опой еще съ прямой „дороги, къ нимъ не поворотилъ, но сталъ прямою „дорогою къ нимъ приближаться, то отъ оныхъ атакованъ „былъ; потомъ съ Божіею помощію непріятель побитъ „и деревню ихъ, въ которой 3000 дворовъ было, разо„рили и выжгли безъ остатку и пришли къ намъ“.

„Послѣдствіемъ этой побѣды, было, что хотя андреевцы остались нашими врагами и до нынѣ, утративъ при томъ

---

[1]) Историческія розыскапія вѣроятно откроютъ новый свѣтъ на этотъ періодъ существованія гребенскихъ казаковъ.

Примѣч. Бентковскаго.

совершенно христіанство, но гребенскіе казаки покорились законной власти, были прощены царемъ, и переселились на правый берегъ Терека, а спустя годъ, уже 500 гребенскихъ казаковъ, подъ командою генералъ-маіора князя Александра Бековича Черкасскаго, участвовало въ несчастномъ хивинскомъ походѣ, и вмѣстѣ съ цѣлымъ отрядомъ и начальникомъ его, сдѣлалось жертвою вѣроломнаго коварства хивинцевъ",

6) Въ исходъ 1850 года бывшій наказный атаманъ того же войска генералъ-маіоръ Круковскій, по требованію военнаго министерства, въ виду ожидаемаго тогда 25 лѣтняго юбилея царствованія покойнаго Государя Императора Николая Павловича, представилъ по начальству „описаніе кавказскаго линейнаго казачьяго войска въ „историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ" [1]). Въ этомъ описаніи о происхожденіи войска сказано слѣдующее: „Исторія распространенія русскаго владычества на Кав„казѣ, которую должно отнести къ половинѣ XVI сто„лѣтія, тѣсно соединена съ исторіей линейныхъ казаковъ, „какъ первыхъ обитателей этого края. Гребенскіе, тер„скіе и позже кизлярскіе казаки составляли какъ бы „передовые отряды донскаго войска и въ совокупности „съ онымъ (не имѣя впрочемъ ни какихъ съ нимъ посред„ственныхъ сношеній), долгое время охраняли полуден„ную часть Россіи отъ вторженія азіатскихъ народовъ. „По этому и самое происхожденіе линейныхъ казаковъ „не лишено исторической занимательности".

„По хронологическому порядку гребенскимъ казакамъ „принадлежитъ первое мѣсто въ этомъ случаѣ (это мнѣ-

[1]) Это описаніе, равно какъ и собранныя атаманомъ Верзилинымъ съ 1832 г. свѣдѣнія о происхожденіи всѣхъ Кавказскихъ казаковъ—хранятся въ г. Владикавказѣ, въ архивѣ бывшаго Кавказскаго линейнаго войска, переданномъ, въ большомъ порядкѣ, въ Терское казачье войско въ 1861 г. *Примѣч. автора.*

„ніе, какъ увидитъ читатель, было ошибочное). Въ „царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, около 1584 „года, толпы донскихъ казаковъ, повинуясь врожденному „удальству и духу свободы, болѣе нежели долгу подчинен- „ности, удалялись съ Дона промышлять въ окрестно- „стяхъ Астрахани, по Волгѣ, Яику, Кумѣ и Кубани и „опасаясь правосудія Грознаго, уже не возвращались на „родину, а поселялись въ такихъ мѣстахъ, изъ которыхъ „могли бы дѣлать свои набѣги, и быть лично безопас- „ными отъ преслѣдованія властей. Слово промышлять „имѣетъ смыслъ нынѣшняго грабить, и юго-восточные „берега Каспійскаго моря вполнѣ тогда соотвѣтствовали „этой цѣли и потому-то сподвижникъ Ермака, Андрей, „не захотѣвъ испытать съ нимъ счастья на сѣверѣ, съ „тремя стами донскихъ казаковъ отдѣлился отъ Ермака, „привелъ ихъ въ Кумукскія владѣнія и тамъ въ ущеліи „кавказскихъ горъ на берегахъ рѣчки Акташѣ основалъ „поселеніе, которое назвалъ по имени своему Андреев- „скимъ, извѣстное и по нынѣ русскимъ подъ названіемъ „андреевской деревни, а горцамъ подъ именемъ *Ендери* „и Андре, жители которой и тогда, и теперь назывались „андреевцами. Время отъ времени прибывали къ нимъ съ „Дону подобные удальцы и поселялись въ сосѣдствѣ „первыхъ, называя себя гребенцами или гребенскими ка- „заками. Нѣкоторые полагаютъ, что названіе это они „приняли отъ гребней горъ, за которыми поселились. „Но кажется, что это было бы слишкомъ отвлеченнымъ „понятіямъ для тогдашнихъ казаковъ; вѣроятнѣе всего, „что атаманомъ пришедшихъ могъ быть какой либо по „прозванію Гребень или же Гребенецъ, отъ котораго они „приняли свое названіе“.

„Какъ бы то ни было, кумыки и тавлинцы, видя въ „новыхъ пришельцахъ людей отважныхъ и предпріимчи-

„выхъ, стали жить съ ними дружно и дружбу свою „подкрѣпляли связями родства“.

„Слѣдствіемъ такихъ сношеній и по нынѣ въ гребен„скихъ казакахъ замѣтенъ рѣзкій оттѣнокъ азіатизма въ „правахъ, обычаяхъ, физіономіи и самой одеждѣ, которую, „какъ бы наслѣдственно, переняло все войско“.

„Съ того времени до царствованія Петра Великаго о „гребенскихъ казакахъ и андреевцахъ нѣтъ ни какихъ „свѣдѣній. Но открылся персидскій походъ, Петръ 1-й „отправился изъ Астрахани моремъ и на пути своемъ въ „Дербентъ остановился съ флотиліею въ Аграханскомъ „заливѣ, а бригадиръ Ветерани съ четырьмя полками „драгунъ слѣдовалъ сухимъ путемъ въ Аграханскій укрѣп„ленный лагерь. 27 іюля 1722 года, когда государь „служилъ благодарственный молебенъ въ память побѣды, „одержанной подъ Гангутомъ, терскій казакъ прибылъ „къ государю съ извѣстіемъ, что Ветерани былъ встрѣ„ченъ андреевцами, засѣвшими въ ущеліяхъ и потерявъ „до 80 человѣкъ убитыми, остановился удержать непрія„теля въ позиціи, а полковнику Наумову повелѣлъ съ „небольшимъ числомъ кавалеріи обойти ихъ тылъ, кото„рый исполнилъ данное порученіе очень успѣшно, взялъ „приступомъ Андреевскую деревню, разграбилъ и превра„тилъ въ пепелъ. Это обстоятельство имѣло то послѣдствіе, „что хотя андреевцы и потомки ихъ остались намъ „врагами и по нынѣ и при томъ совершенно утратили „христіанство, но остальные гребенскіе казаки покорились „законной власти, получили прощеніе царя и переселились „на правый берегъ р. Терека, а спустя годъ уже 500 „гребенскихъ казаковъ, подъ командою генералъ-маіора „Бековича, участвовали въ несчастномъ хивинскомъ „походѣ и вмѣстѣ съ цѣлымъ отрядомъ и начальникомъ „своимъ сдѣлались жертвою вѣроломнаго коварства хивин„цевъ“.

Къ этому нужно присовокупить еще одно донесеніе графа Штейнбока, отъ 14 января 1834 года за № 42, командовавшему войсками на кавказской линіи генералу Вельяминову объ освященіи знамени, пожалованнаго гребенскому полку за турецкую войну 1828 и 1829 годовъ. Въ этомъ донесеніи графъ Штейнбокъ говоритъ, что „когда онъ, послѣ освященія, взялъ знамя въ руки, „поздравилъ полкъ съ Монаршею милостію и понесъ „знамя по рядамъ казаковъ, раздалось между ними гром„кое «ура», повторяемое всѣми жителями; ружейные выс„трѣлы оглашали крикъ душевнаго восторга, и пламя, „возгорѣвшееся въ глазахъ *сихъ потомковъ славныхъ „казаковъ Ермака*, явно выразило, что каждый изъ „нихъ повторялъ присягу въ глубинѣ души своей слу„жить вѣрою и правдою царю до послѣдней капли кро„ви, какъ служили предки ихъ предкамъ царей".

Это донесеніе приведено въ очеркѣ г. Попки на страницахъ 278 и 279; и

7. Въ 1881 году вышла въ свѣтъ новая книга озаглавленная:

„Казачьи войска".

„Опытъ военно-статистическаго описанія".

Составленный генеральнаго штаба полковникомъ Хорошкинымъ.

Въ этомъ описаніи въ главѣ 1-й, на стран. 9 авторъ говоритъ: „Свѣдѣнія о началѣ казаковъ на Терекѣ также „весьма скудны и не полны. *Несомнѣнно что при появ„леніи нашихъ войскъ въ этихъ мѣстностяхъ были „гребенскіе казаки, совершенно мирно жившіе съ свои„ми сосѣдями:* на югѣ съ чеченцами, на западѣ съ „черкесами. Вскорѣ по взятіи Астрахани, именно въ „1558 году царскія войска были посланы противъ Шам„хала Тарковскаго. Въ 1563 году снова посылаются

„войска подъ начальствомъ Плещеева, и на этотъ разъ „въ составѣ ихъ было 5 атамановъ и 500 казаковъ, но „какихъ именно неизвѣстно. Въ 1568 году подъ на„чальствомъ Бабичева и Протасьева, снова паряжена „экспедиція, и во владѣніяхъ князя Темрюкѣ былъ по„ставленъ городокъ, снятый въ 1571 году, по настоянію „турокъ. Въ 1577 году, Новосильцевъ. посланный на „Терекъ, по просьбѣ кабардинскихъ князей, построилъ „городъ на р. Терекѣ, близъ впаденія въ него р. Сунжи, „при чемъ подъ его начальствомъ были *терскіе каза„ки, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть гребенскихъ „казаковъ*. Съ этого года ведетъ свое старшинство ны„нѣшнее терское войско и Кизляро-Гребенской полкъ „этого войска. Въ 1586 году возведенъ новый городокъ „въ низовьяхъ р. Терека, всего въ 15 верстахъ отъ „моря; въ отличіе отъ перваго, называвшагося Усть„Сунчи, онъ сталъ называться Усть-Терки. Около пос„троеннаго городка были, между прочимъ, поселены „прибывшіе казаки, называвшіеся терскими. Такимъ „образомъ, къ началу XVII вѣка на Терекѣ имѣлись „казаки гребенскіе и терскіе“.

Разсмотрѣвъ приводимые г. Хорошкинымъ источники, на которыхъ онъ основывалъ историческую часть своего „описанія“ мы увидѣли, что по отношенію къ Терскому войску онъ руководствовался разбираемыми нами нынѣ: статьею, помѣщенною въ Военномъ Сборникѣ, г. Абрамова и отдѣльнымъ сочиненіемъ г. Попки. Но читатель увидитъ далѣе, изъ нашего разбора, на сколько имѣютъ не только достовѣрность, но даже малѣйшую правдоподобность повѣствованія гг. Абрамова и Попки о началѣ терскаго войска. А потому и мнѣніе г. Хорошхина объ этомъ, мы относимъ къ той же категоріи, какъ и первыхъ двухъ.

II.

Послушаемъ теперь, что повѣствуетъ г. Попка въ своемъ историческомъ очеркѣ *о происхожденіи предковъ гребенскихъ казаковъ*. Рѣчь свою онъ начинаетъ отъ временъ весьма отдаленныхъ, не имѣющихъ ни какого отношенія къ гребенскимъ казакамъ. Во вступительномъ очеркѣ трехвѣковой жизни терскихъ казаковъ г. Попка говоритъ на стран. II. „*Знакомство русскихъ людей „съ Терекомъ началось еще въ XIV вѣкѣ. Первые „проникали сюда съ Волги, варяжскимъ обычаемъ нов- „городскіе повольники*, или ушкуйники, то есть охот- „ники за сѣвернымъ медвѣдемъ-ушкуемъ и плаватели въ „ладьяхъ, называвшихся тѣмъ же именемъ [1]). Своеволь-

[1]) Это не вѣрно. Г. Попка показываетъ читателю Терекъ не съ той стороны, какъ говоритъ исторія. Первые явились здѣсь наши великіе князья, со свитой, на поклонъ хану Золотой Орды и для подношенія дани и даровъ. Рѣка Терекъ упоминается въ разсказѣ объ убіеніи великаго князя Михаила Тверскаго въ 1318 году. Михаилъ настигъ хана на устьѣ Дона, затѣмъ орда кочевала далѣе и остановилась *за р. Терекомъ, недалеко отъ Дербента*. Когда Михаилъ по повелѣнію хана былъ убитъ, тѣло его было перевезено въ г. Маджары, въ которомъ были христіанскія церкви и остатки древнихъ развалинъ коего и теперь еще видны около р. Кумы. Изъ Маджаръ тѣло было привезено въ Москву, сухимъ путемъ, а не моремъ и Волгой (Исторія Россіи Соловьева т. III глава V изд. 1857 г.). Въ запискахъ Императорск. Русскаго географическаго общества въ кн. VI за 1852 г. сказано:

1) (Стр. 4). Въ половинѣ X вѣка Каспійское море было уже извѣстно Русскимъ, сообщившимъ свое имя одному острову извѣстному арабскимъ писателямъ подъ названіемъ Джезиретъ-Эльруссіе.

2) (Стран. 39—40). Въ XIV вѣкѣ Новгородцы ходили по Волгѣ и производили грабежи не рѣдко даже до Каспійскаго моря по Русскимъ и Татарскимъ владѣніямъ. Въ 1374 году были въ Астрахани и распродали плѣнниковъ (Никон. лѣт. т. III стр. 45). Въ то время Каспійское море называлось Хвалынское.

„ство новгородцевъ, говоритъ Карамзинъ, возбуждало „негодованіе великаго князя Дмитрія Іоанновича, многіе „изъ нихъ составляли цѣлые полки и ѣздили на добычу „въ мѣста отдаленныя, между прочимъ и внизъ по Волгѣ,

---

3) По еще гораздо ранѣе, а именно, съ половины XIII вѣка русскіе люди познакомились съ Ири-Теречной страной. Такъ, по словамъ тѣхъ же выше приведенныхъ записокъ на стр. 53—56, Плано-Карпини, посолъ папы Иннокентія IV въ 1246 г., въ глубинѣ средней Азіи видѣлъ при ханскомъ дворѣ князя Ярослава Всеволодовича и русскихъ священниковъ служившихъ обѣдню предъ ставкою хана Гаюка. По Волгѣ кочевала тогда орда Батыя. Въ 1269 г. въ столицѣ Батыя Сарай, было уже такъ много русскихъ, что поставленъ былъ русскій епископъ Митрофанъ и, такимъ образомъ, Сарай поступилъ въ число русскихъ епархій. Тогда цѣлые полки русскихъ проживали между татарами, состоя на службѣ ханской и участвуя въ походахъ. Плано-Карпини говоритъ, что Батый и Гаюкъ посылали въ Россію для набора воиновъ и брали отъ двухъ сыновъ третьяго.

Рубрувикъ посолъ Людовика Св., бывшій въ Монголіи въ 1258 г. говоритъ, что въ станѣ монгольскомъ и въ окрестностяхъ онъ видѣлъ много русскихъ, которые скитались по степямъ вмѣстѣ съ монголами. Въ 1278 г. русскіе полки (казаки) были съ Менгу-Темиромъ въ походѣ въ пыньшемъ Дегестанѣ и отличались взятіемъ Ясскаго города Дедякова (Титякова) и что Ханъ отпустилъ ихъ въ Россію съ честью и дарами.

По случаю убіенія князя Михаила Тверскаго Никоновская лѣтопись говоритъ, что въ 1319 году Узбекова орда кочевала за Терекомъ и «быху тамо многи народи, аки песокъ собравшася людіе и Цареградцы, и Нѣмцы, и Литва, и Русь, и многи православіи и видяще слѣзяху». Та же лѣтопись говоритъ, что орда въ это время стояла «за Терекомъ, подъ великими горами, подъ Ясскими и Черкасскими, у города Титякова, на рѣцѣ Сивинѣ, близь врать желѣзныхъ, у болвана Медянаго, у Златыя главы, у Темировы богатыревы могилы».

Таковы были отношенія Золотой орды къ тогдашней Россіи, можно сказать, *благосклонныя*. Но уже въ исходѣ XIV вѣка, въ княженіе Дмитрія Донскаго, котораго бояре еще малолѣтнимъ во-

„украшая разбои именемъ молодечества (Ист. Госуд. „Россійск. Карамзина, изд. пятое 1842 года кн. II т. V). „За новгородскими повольниками пускались въ то же

зили въ орду, когда онъ возмужалъ и, почувствовъ силу, отношеніе его къ ордѣ, по причинѣ прекращенія имъ платежа прежней дани, обострились до такой степени, что повели къ новому нашествію Мамая на Россію, разразившемуся въ 1380 году, страшнокровопролитнымъ побоищемъ на Куликовомъ полѣ Дмитрія Донскаго съ Мамаемъ, при чемъ потери обѣихъ сторонъ простирались до полумилліона войска, и хотя орда была разбита на голову, но и русскіе понесли такія страшныя потери, что по выраженію лѣтописцевъ «оскудѣла совершенно вся земля русская воеводами и слугами и всякимъ воинствомъ и отъ этого былъ страхъ большой по всей Русской землѣ», тѣмъ болѣе, что, чрезъ два года послѣ этой побѣды, пришлось отбиваться отъ новаго нашествія татаръ, доходившихъ уже до Москвы и произведшихъ страшныя опустошенія на своемъ пути во всѣхъ областяхъ русскихъ.

Мыслимое ли дѣло было, опросимъ мы г. Попку, при *такихъ обстоятельствахъ* и при такихъ отношеніяхъ, новгородцамъ пускаться по Волгѣ и Каспійскому морю и навѣдываться въ устья Терека, не за сѣверными или бѣлыми медвѣдями, конечно, которыхъ тамъ вовсе нѣтъ, а просто для грабежа и разбоя? Объ этихъ нашествіяхъ новгородцевъ, бывшихъ съ 1371 по 1376 годъ, слѣдовательно за 4 года до Мамаева побоища и за 150 лѣтъ до мнимаго переселенія рязанскихъ казаковъ мы говоримъ ниже. А здѣсь умѣстно будетъ сказать, что г. Попку ни сколько не смущаетъ, при этомъ, то обстоятельство, что всѣмъ теченіемъ нижней Волги, въ то отдаленное время, владѣла могущественная и грозная Золотая орда, которой Россія того времени была данницей, и что съ этой данницей орда поступала весьма сурово. Всѣмъ этимъ софистическимъ разсказомъ, какъ нужно понимать, авторъ думаетъ подготовить читателя къ тому, чтобъ онъ повѣрилъ въ возможность *задуманнаго имъ* переселенія рязанскихъ казаковъ на берега Терека, еще за 30 лѣтъ до паденія Казани. Ниже мы докажемъ фактами всю историческую неосновательность и даже физическую невозможность такого предпріятія въ то отдѣленное время.

Примѣч. автора.

„молодечество по Дону *и Волгѣ и рязанскіе казаки* [1]) „населявшіе придонскую волость Червленный-Яръ [2]). „гдѣ служили они украинной стражей рязанскому княже- „ству [3]). великій князь московскій Іоаннъ III гнѣвался на „молодечество рязанскихъ казаковъ и грозилъ имъ наказа- „ніемъ. Въ 1520 годахъ послѣдовало присоединеніе рязан- „скаго княжества къ московской державѣ. По обычаю „собиранія земли русской, мѣпѣе сговорчивымъ жителямъ „княжества, предстояло принудительно выселеніе въ „предѣлы суздальскіе. Скорѣе другихъ ожидали этой „участи казаки Червленаго-Яра, а особенно тѣ изъ „нихъ, которые чаще водились съ ушкуйниками (изъ „русской исторіи этого нигдѣ не видно) и имѣли боль- „ше причинъ страшиться немилости московской власти. „Во второй четверти XVI вѣка казаки эти, подбитые „коноводами ушкуйниками, поднялись большой станицей „(отрядомъ), посадились въ струги съ *семьями* и *жи-* „*вотами* и выплыли весеннимъ половодьемъ въ Донъ, „откуда, по Камышенкѣ, переволоклись на Волгу и пус- „тились незнакомымъ, конечно, путемъ къ недосягаемому „никакой московской погоней убѣжищу устьямъ Терека".

Далѣе на страницѣ 14 того же очерка авторъ продол-

[1]) Рязанскіе казаки уходили не на Волгу, какъ авторъ совершенно голословно говоритъ, а на Донъ, сами по себѣ, безъ новгородцевъ, какъ это буквально сказано въ письмѣ великаго князя Іоанна III; еслибъ они уходили и *на Волгу*, какъ то уже отъ себя добавляетъ авторъ, для того, чтобъ переселить ихъ потомъ къ устьямъ Терека, то конечно это такъ-бы и было сказано, но въ письмѣ этого вовсе нѣтъ. *Примѣч. автора.*

[2]) На Дону ниже впаденія р. Сосны, была рѣчка Червленный-Яръ, а ниже впаденія р. Медвѣдицы, р. Бѣлый-Яръ, а оттуда еще ниже были Червленные горы. См. Никон. лѣт. т. IV стр. 159. *Примѣч. автора.*

[3]) Послѣдній городокъ, и то въ развалинахъ, на Дону рязанскаго князя Юрьи-Михаила, былъ далеко выше р. Червленаго-Яра. См. тамъ-же. *Примѣч. автора.*

жаетъ: „выше было упомянуто, что вольные казаки, ходив-
„шіе въ варяжское молодечество на Волгу, рано узна-
„ли дорогу къ устьямъ Терека [1]). Здѣсь находили они
„превосходныя зимнія стоянки и обильныя угодья для
„рыболовнаго и охотничьяго промысловъ, которыми воль-
„ное казачество кормилось въ героическій періодъ свое-
„го существованія. Сюда же укрывались они и отъ
„преслѣдованія царскихъ ратей, очищавшихъ Волгу отъ
„разбоевъ [2]).

„По современнымъ описаніямъ, продолжаетъ г. Попка,
„жители рязанскаго княжества вообще отличались воин-
„ственнымъ и независимымъ характеромъ [3]), а князь
„и бояре вступали нерѣдко въ тѣсныя связи съ инозем-
„цами. Надобно припомнить, что Олегъ рязанскій не
„принялъ даже участія въ знаменитой битвѣ Куликовской,
„за что и укорилъ его негодующій лѣтописецъ эпитетомъ„
„худой.“ При такихъ условіяхъ присоединеніе княже-
„ства рязанскаго къ московской державѣ, послѣдовавшее,

---

[1]) Это личный разсказъ автора ни чѣмъ не подкрѣпленный, какъ выше сказано въ примѣчаніи Б. *Прим. автора.*

[2]) Удивительный фактъ! Читатель долженъ помнить, что все это происходило въ тѣ отдаленныя времена, когда всѣми этими мѣстами владѣла еще грозная Золотая орда. Какимъ же образомъ, спросимъ мы автора, царскія рати могли очищать Волгу отъ разбоевъ во владѣніяхъ этой орды? Это уже слишкомъ невѣроятный фактъ! Что подобное очищеніе Волги отъ разбоевъ, спустя лѣтъ 30 послѣ паденія Казани и Астрахани, дѣйствительно было—это такъ. Но вѣдь авторъ приводитъ эти доказательства *до переселенія* имъ рязанскихъ казаковъ, подготовляя, такъ сказать, почву для этого переселенія, а слѣдовательно *до паденія* еще Казани и Астрахани. Вообще авторъ въ сопоставленіи и связи историческихъ событій, обнаруживаетъ въ себѣ полнаго софиста, руководствующагося исключительно собственнымъ своимъ взглядомъ, для предвзятой цѣли, а не указаніями дѣйствительной исторіи. *Прим. автора.*

[3]) Этимъ характеромъ отличалась вообще вся древняя Русь, а не одни жители рязанскаго княжества. *Прим. автора.*

„какъ извѣстно, въ 1520 году, не могло обойтись безъ „особенно крутыхъ мѣръ со стороны правительства. И „дѣйствительно сохранились достовѣрныя свѣдѣнія, что „послѣдній рязанскій князь Іоаннъ Іоанновичъ, вызван- „ный въ Москву былъ брошенъ въ тюрьму, а мать его „Аграфена заточена въ монастырь; на всѣ рязанскія „волости были посажены московскіе намѣстники и тыся- „чи жителей, считавшихся болѣе безпокойными и свобо- „ду любившими, подвергались насильному выселенію съ „семействами и животами въ московскія области что „испытали уже предъ тѣмъ и Псковъ, и Новгородъ, и „Тверь. Остракизмъ этотъ падалъ преимущественно на „казаковъ Червленнаго-Яра, которымъ правительница кня- „жества Аграфена, вдовьимъ да женскимъ дѣломъ, дава- „ла потачку къ самовольнымъ уходамъ на Донъ и *на „Волгу* [1]) въ молодечество. Когда московскій намѣст- „никъ объявилъ рязанцамъ приказъ о выселеніи въ пре- „дѣлы суздальскіе, Червленный-Яръ замутился и раздѣ- „лился на два «круга»: въ одномъ изъ нихъ, люди пожи- „лые и болѣе зажиточные приговорили покориться новой „сильной власти и, подъ вѣдомствомъ московскихъ при- „казовъ, служить въ городовыхъ казакахъ по стрѣлецко- „му уряду, гдѣ доведется; въ другомъ же кругу казаки „молодые, не столько домовытые и къ тому-же бывалые, „знавшіеся съ новгородскими удальцами, шумно рѣшили „отправиться по знакомой дорожкѣ на *Донъ и Волгу* и „уже не самодурью, а обдуманно, *съ родомъ и племенемъ* „у кого такіе были, Каждая изъ сторонъ осталась при „своемъ и одна другой не перечила, какъ всегда води-

[1]) Въ письмѣ великаго князя буквально сказано только *на Донъ*, а г. Попка добавляетъ тутъ уже отъ себя и *на Волгу*, что ему нужно, какъ увидитъ далѣе читатель, для *своихъ* соображеній, чтобы удобнѣе провести на бумагѣ Рязанскихъ казаковъ *по Волгѣ* и Каспійскому морю къ берегамъ Терека. *Прим. автора.*

„лось въ казачествѣ. Подобные переломы въ жизни даже „не большихъ обществъ,—вѣдь это тоже отдѣльные міры, „не забываются чрезъ многія поколѣнія".

„Сохранилось преданіе, что послѣднее рѣшеніе чер„вленаго войсковаго круга произнесено было объ масляп„ой, что въ продолженіи всего великаго поста, задумав„шіе дальнее странствованія „несогласники" строили „струги, а на страстной недѣлѣ все уже было готово къ „отплытію рѣкою Хопромъ въ Донъ, по полноводью. „Рѣки вскрылись въ томъ году рано и вода была боль„шая,—что особенно благопріятствовало плаванію внизъ „по теченію. Въ волости Червленаго Яра зимовала на „тотъ разъ станица (отрядъ) новгородскихъ ушкуйниковъ, „которые особенно подбивали червленскихъ несогласни„ковъ къ уходу на Волгу. Тамъ, на Волгѣ, предшество„вавшей осенью, они бросили гдѣ-то свои струги, по„прятавъ ихъ въ прибрежныхъ лѣсахъ и буеракахъ. Эта „новгородская станица присоединилась къ червленскимъ „несогласникамъ и пожелала раздѣлить съ ними путе„шествіе. На святой недѣлѣ, послѣ разговѣнья крас„нымъ яичкомъ, караванъ отплылъ отъ городка Чер„вленаго, съ пищальной пальбой и пѣсней, а по„томъ внизъ по Дону спустился къ Калачецарицинско„му перешейку и переволокся на Волгу, что тогда, при „многоводьи рѣчки Камышенки было дѣломъ обычнымъ. „Не подумали червленцы оставаться ни на нижнемъ До„ну, ни на Волгѣ: тамъ, на Дону, недостаточно было далеко отъ Московскаго рубежа, да *и татары не сов„сѣмъ еще были сбиты*, а здѣсь, на Волгѣ, была боль„шая и *слишкомъ* открытая дорога [1]). Замѣчательно,

[1]) Какая же могла быть здѣсь *слишкомъ открытая дорога* для русскихъ, когда всѣ эти мѣста находились во владѣніяхъ враждебной Россіи Золотой орды, считавшей русскихъ своими данниками и, имѣвшей тогда еще значительную силу? *Прим. автора.*

„что вольное казачество во всѣ времена [1]) прилпвало „на Волгу только для проявленія своего молодечества, „для наживы отъ двигавшихся по рѣкѣ грузовъ, для вы„хода на просторъ—въ море, но не для осѣдлаго обита„нія, и на этотъ счетъ была поговорка: „на Волгѣ жить, „ворами слыть“.

„Червленскіе [2]) переселенцы взяли южное направле„ніе на Терекъ, гдѣ, можетъ быть, успѣли уже побы„вать ихъ ходаки и поразвѣдать что нужно, у тѣхъ „пятигорскихъ черкесъ, родичи которыхъ вошли когда„то въ составъ днѣпровскаго казачества. Переволок„шись на Волгу ушкуйники отыскали и спарядили свои „*прошлогодніе струги*, развернули свой стягъ съ двумя „медвѣдями и тремя свѣчами на престолѣ *(онъ сохра„нился до нынѣ, хотя и совершенно обветшалъ)* и „повели червленскій караванъ по широко разлившейся „Волгѣ на синее море Хвалынское“.

„Послѣ тридцати дней плаванья, благополучнаго или „съ приключеніями—не знаемъ [3]) переселенцы достигли „*устьевъ Терека* и высадились на Учинскую (крестовую)

---

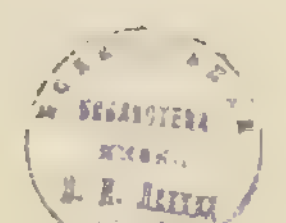
[1]) Послѣ паденія Золотой орды—это было такъ; до того же времени, какъ усиливается авторъ доказать, ничего подобнаго и быть не могло, такъ какъ начало русскаго вольнаго казачества не восходитъ далѣ XIV вѣка, а мы уже видѣли, что русскіе бывали *на Волгѣ и на морѣ Хвалынскомъ* еще въ X вѣкѣ. *Прим. автора.*

[2]) Читатель видитъ изъ этого, что авторъ любитъ созвучія. Уже *рязанскіе* казаки называются имъ не своимъ именемъ, а прямо переселенцами *червленскими*, потому только, что и на Терекѣ есть Червленская станица, все это для того, конечно, чтобъ сдѣлать болѣе правдоподобнымъ переселеніе рязанскихъ казаковъ на берега Терека. *Прим. автора.*

[3]) Вотъ странное дѣло: авторъ знаетъ, что въ томъ году и рѣки вскрылись рано и воды были большія и даже то, что переселенцы плыли ровно 30 дней, а благополучно или съ приключеніемъ—не знаетъ? *Примѣч. автора.*

„косу, гдѣ дружелюбно были *приняты Агрыханомъ „владѣльцемъ большаго улуса,* не задолго передъ тѣмъ „отложившагося отъ Золотой Орды. Этотъ Агры-Ханъ, „именемъ котораго до сихъ поръ называется лѣвый ру„кавъ нижняго Сулака и принимающій его морской за„ливъ, былъ племянникъ послѣдняго ордынскаго хана „Шихъ-Ахмета и кочевалъ сперва между Допомъ и Вол„гою; но заведя съ ханомъ обычную усобицу и, остав„шись побѣжденнымъ, перебѣжалъ съ своимъ улусомъ „къ Тереку, гдѣ занялъ Учинскую косу и отъ нея при„морскую равнину между нижними теченіями Сулака и „Терека до озера Джупгула. *Въ прежнее время когда „въ волжско-донской степи случались безкормицы,* „онъ приходилъ зимовать на Червленскій-Яръ и получилъ „отъ тамошнихъ казаковъ добрыя услуги, о которыхъ и „сохранялъ благодарную память. Говорятъ, что когда „онъ узналъ объ угрожающемъ казакамъ разселеніи по „Суздальской области, то присылалъ сказать имъ, что„бы шли въ тѣ привольныя мѣста, куда и самъ онъ „укрылся. Русскимъ переселенцамъ не безъ выгоды бы„ло встрѣтить на новой землѣ такого доброжелателя, но „они при его улусѣ не остались, а воспользовавшись отъ „него перевозочными средствами и проводниками, отпра„вились искать болѣе подходящихъ друзей и союзни„ковъ въ пятигорскихъ черкасахъ, которые не по пу„стому же писались въ московскихъ актахъ бѣглыми „холопями государевыми, а что еще важнѣе были въ то „время болѣе христіане, чѣмъ басурмане. Прибывшимъ „русскимъ казакамъ предложена была подъ поселеніе „спорная, а потому и пустая международная земля по „правому берегу Сунжи, выше впаденія въ нее Аргуна, „Съ отводамъ этого прекраснаго уголка заключенъ былъ „между казаками и князьями Малой Кабарды договоръ о „взаимной помощи. Выбравъ болѣе крѣпкія мѣста по

„предгорьямъ, или, какъ говорилось тогда по гребнямъ, „казаки состроили между ними городки: Червленный, „Шадринъ, Курдюковскій, два Гладковскихъ, и, по го„ристому характеру нового своего юрта, назвались гре„бенскими. Полагаютъ, что городковъ вначалѣ построе„но было болѣе, но испытанныя впослѣдствіи раззоренія „съ неразлучной убылью въ населеніи, заставили каза„ковъ сосредоточиться въ меньшее число укрѣпленныхъ „поселеній. *Какъ бы то нибыло, но показанное число „городковъ,* равно какъ и имена ихъ, сохранились до „настоящаго времени. Трудно при этомъ дать точное „свѣдѣніе о численномъ составѣ гребенской колоніи; но „если принимать пять только городковъ и допустить, „что въ каждомъ изъ нихъ должно было находиться, по „тогдашнему положенію дѣлъ, не менѣе трехъ сотъ бое„выхъ казаковъ, то все населеніе первобытнаго гребен„скаго войска, необходимо положить *тысячи въ четыре „душъ обоего пола.* Большинство, и даже значительное „большинство, должно быть предоставлено мужскому по„лу, принимая въ расчетъ новгородскихъ повольниковъ, „изъ которыхъ у немногихъ развѣ могли быть жены „«не вѣнчальныя» по обычаю вольнаго казачества. На„званіе городковъ, *начиная съ болѣе излюбленнаго „Червленнаго,* надо предположить перенесенными съ „Червленнаго Яра, потому что они русскіе и отъ но„выхъ мѣстъ ни какъ не могли быть заимствованы. Въ „какомъ-же, спрашивается, году, совершилось прибытіе „на восточный Кавказъ и водвореніе гребенскихъ каза„ковъ по Сунжѣ, выше устья Аргуна? Если нельзя „опредѣленно указать годъ, то это не препятствуетъ „признать неопровергаемымъ историческимъ фактомъ, „что событіе это имѣло мѣсто во второй четверти XVI „вѣка, къ концу царствованія Василія Іоанновича, въ „1530 гг., когда уже подготовлялось паденіе Казани и



„Астрахани, когда пожившіеся потомки Батыевы, одни „передъ другими, напрашивались въ послуги къ москов- „скому государю, заявляя языкомъ лести: «Я твой ка- „закъ и твоихъ воротъ человѣкъ»“.

III.

Въ сочиненіи г. Попки первая часть его разсказа о переселеніи предковъ гребенскихъ казаковъ, будто-бы изъ Рязанскаго княжества, а не съ Дона, основана, какъ это видно изъ 6-го примѣчанія, не на какомъ-либо лѣтописномъ, или историческомъ указаніи, не подлежащемъ сомнѣнію, даже не на мѣстномъ преданіи, а на рукописномъ сборникѣ, полученномъ имъ отъ покойнаго генерала Федюшкина. Этотъ сборникъ авторъ называетъ *дорогой находкой*, писанной *человѣкомъ науки*, посвященнымъ солдатскую шпицель (но кто этотъ человѣкъ—авторъ умалчиваетъ, вѣроятно не знаетъ) и убитымъ въ одной изъ вельяминовскихъ экспедицій въ тридцатыхъ годахъ. Слѣдовательно сборникъ этотъ былъ писанъ, со словъ, конечно, самыхъ же гребенцовъ, между 1830 и 1834 годами, т. е. въ то самое время, когда Броневскій писалъ на Дону, въ Новочеркасскѣ свою вышеприведенную исторію о донскихъ казакахъ съ 1831 по 1834 годъ, и когда бывшій командиръ гребенскаго казачьяго полка графъ Штейнбокъ доносилъ, въ 1835 году, наказному атаману Кавказскаго линейнаго войска генералу Верзилину о происхожденіи гребенскихъ казаковъ, основывая свое донесеніе на распросахъ и отвѣтахъ тѣхъ же старожилыхъ гребенцовъ. Но еще ранѣе, именно 14 января 1834 года, графъ Штейнбокъ доносилъ генералу Вельяминову, какъ это прежде мы сказали, о посвященіи знамени высочайше пожалованнаго

гребенскому полку за турецкую войну 1828 и 1829 годовъ и, объяснивъ съ какою радостію гребенцы совершили это освященіе, называетъ ихъ *дѣтьми Ермака*, т. е. происходящими отъ донскихъ казаковъ, спутниковъ Ермака. Это донесеніе, приведено до слова и въ очеркѣ г. Попки, *но противъ означеннаго подчеркнутаго выраженія* графа Штейнбока, авторъ *очерка не сдѣлалъ никакого возраженія*. Такимъ образомъ выходитъ странное противорѣчіе: въ одно и тоже время, со словъ гребенскихъ старожиловъ, графъ Штейнбокъ, человѣкъ весьма умный и очень любимый казаками, писалъ о происхожденіи ихъ одно,—а неизвѣстный составитель сборника, найденнаго, по словамъ г. Попки, въ домѣ отца генерала Федюшкина, казака Федюшкина, у котораго квартировалъ этотъ составитель, послѣ его смерти, и даннаго покойнымъ генераломъ Федюшкинымъ, *человѣкъ науки*, какъ его г. Попка называетъ, писалъ совершенно другое! Это противно здравому смыслу и на дѣлѣ никакимъ образомъ быть не могло!

По условіямъ исторической науки, г. Попка обязанъ былъ въ подтвержденіе своего сочиненія о происхожденіи гребенскихъ казаковъ изъ Рязанскаго княжества, помѣстить въ примѣчаніяхъ подробныя, *подлинными словами сборника*, выписки объ этомъ событіи, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія эти *оказывались для казаковъ вполнѣ новыми и удивили даже самыхъ гребенцовъ*, а сборникъ Федюшкина сочиненіемъ рѣшительно никому неизвѣстнымъ. Но г. Попка ничего этого не сдѣлалъ.

Заинтересованный *столь новымъ* открытіемъ предковъ гребенскихъ казаковъ, авторъ этого разбора обратился къ г. Попкѣ съ просьбой одолжить ему сборникъ Федюшкина, для прочтенія именно того мѣста, въ которомъ говорится о происхожденіи гребенцовъ. Но къ его удивленію, г. Попка отвѣчалъ, что сборникъ несохра-

нился въ цѣлости, а лишь въ разрозненныхъ листахъ, что онъ писанъ на польскомъ языкѣ и что г. Попка этого сборника никому дать не можетъ. Удивленію нашему небыло предѣловъ.

Г. Попка не разъ высказывалъ въ разговорѣ, что намѣренъ написать сочиненіе о гребенскихъ казакахъ, которое составило-бы серьезный вкладъ въ русскую историческую литературу. По этому, относясь къ его труду съ полнымъ вниманіемъ, мы предположили написать не ученую критику, предоставляя такой трудъ лицамъ, болѣе насъ свѣдущимъ въ исторической наукѣ, а подробный фактическій разборъ доводовъ г. Попки въ пользу рязанскаго происхожденія гребенцевъ, и, такимъ образомъ, внести и нашъ посильный трудъ *въ окончательное разъясненіе* происхожденія этихъ храбрыхъ казаковъ.

И такъ какъ сборникъ Федюшкина не дается намъ въ руки, очевидно потому, что въ немъ вовсе нѣтъ того, о чемъ такъ краснорѣчиво распространяется г. Попка, а другихъ источниковъ со стороны его не указано, то не остается другаго средства, какъ обратиться къ безпристрастному и подробному разсмотрѣнію тѣхъ историческихъ обстоятельствъ, при которыхъ будто-бы рязанскіе казаки, въ XVI вѣкѣ, переселись съ береговъ Червленаго-Яра [1]) по Хопру, Дону, переволокліись, съ своими лодками, сухимъ путемъ, въ Камышенку, вошли ею въ Волгу и черезъ синее море Хвалынское, какъ повѣствуетъ г. Попка—достигли береговъ Терека,—и поставитъ вопросъ: могло-ли дѣйствительно все это совер-

---

[1]) Оказывается что р. Червленный-Яръ впадала прямо въ Донъ, а не въ Хоперъ (смотр. выше примѣч.). Какъ же это такъ случилось, что г. Попка, отплывши отъ Червленаго городка, ведетъ своихъ переселенцевъ по Хопру, когда рѣка Червленный-Яръ впадала прямо въ Донъ? *Примѣч. автора.*

шиться, при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась въ то время бывшая Рязанская земля?

Какъ извѣстно изъ отечественной исторіи Рязанское удѣльное княжество присоединено къ Московскому государству, въ 1520 году въ княженіе Василія Темнаго. Присоединеніе это сопровождалось такими же крутыми и суровыми мѣрами, какъ и присоединеніе Новгорода, Пскова и Твери. Удѣльный великій князь Иванъ былъ брошенъ въ темницу, мать его Аграфена заточена въ монастырь, въ тоже самое время въ Рязань и во всѣ города и волости этого княжества были посланы великокняжескіе намѣстники, воеводы и волостели съ войсками; народъ, оказавшій неповиновеніе, толпами перегоняли въ другія области на жительство.

Какимъ же, спрашивается, чудомъ придонская волость Червленный-Яръ, не только уцѣлѣла послѣ такого погрома Рязанскаго княжества, но даже преспокойно существовала нѣсколько лѣтъ, не признавая надъ собой никакой власти, не захотѣла повиноваться Москвѣ и безъ всякаго со стороны властей препятствія готовилась открыто весь великій постъ, потомъ въ первый день Пасхи, неизвѣстно какого изъ тридцатыхъ годовъ, разговѣлась краснымъ яичкомъ, сѣла на свои струги, съ пѣсней и шицальной пальбой, и уплыла въ море Хвалынское, къ берегамъ Терека? Объ этомъ г. Попка хранитъ глубокое молчаніе. Жаль что авторъ не прибавилъ еще, что при такомъ торжественномъ отплытіи рязанцевъ присутствовали и воеводы и волостели московскіе, выпили по чарѣ вина и пожелали переселенцамъ счастливой жизни на берегахъ Терека, и тогда бы вышла картина еще болѣе эфектная. Вѣдь нельзя-же думать, въ самомъ дѣлѣ, что все это совершилось на коврѣ самолетѣ. Какъ? Власти московскія у которыхъ были такіе длинныя и цѣпкія руки, сломившія гордость могущественнаго Новгоро-

да и низведшія его на степень ничего незначущаго владѣнія, остановились бы съ почтеніемъ предъ явною непокорностію какой нибудь ничтожной волости и позволили бы ей такъ долго не признавать своей власти, явно готовиться къ уходу за границу и совершить вполнѣ открыто и даже торжественно, какъ пишетъ г. Попка, свой уходъ? Да, это дѣло—положительно настолько не вѣроятное, *но даже и не мыслимое; а самое главное, что событіе это ни чѣмъ рѣшительно не доказано.* Желая, во что-бы то ни стало создать гребенцамъ новое происхожденіе, по собственному своему усмотрѣнію, такъ какъ до этого времени сами гребенцы считали предковъ вышедшими *съ Дона*, г. Попка не останавливается ни предъ какими препятствіями: значеніе однихъ фактовъ онъ очевидно умаляетъ, а другихъ преувеличиваетъ. Такъ, по отношенію къ Москвѣ, онъ говоритъ, что когда было объявлено рязанцамъ о присоединеніи къ Москвѣ, то Червленный-Яръ замутился: одни рѣшили покориться, а другіе несогласники уйти на Терекъ и т. д.

Изъ этого читатель, вѣроятно, по мнѣнію г. Попки, долженъ вывести заключеніе, что Москва испугалась этой смуты и примирѣла предъ отважными рязанскими казаками? Какъ-бы не такъ! Мы уже видѣли изъ исторіи, какъ Москва въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовала: она ослушниковъ прямо казнила и вѣшала не десятками и сотнями, а иногда истребляя тысячами, подчиняя все одной великой идеѣ: *собиранія русской земли и сверженія ига монгольскаго*. А обращаясь къ Золотой ордѣ и расчищая, такъ сказать, дорогу для перехода рязанцевъ г. Попка разсуждаетъ такъ, что въ то время *татары были уже почти что сбиты*, что по словамъ исторіи Карамзина, приводимымъ имъ въ 10 примѣчаніи къ своему очерку, русское удальство и молодечество въ то время получило такое широкое развитіе, что новгородская воль-

пица появлялалась на Волгѣ и Камѣ цѣлыми отрядами, силою до 2000 человѣкъ на 150 ладьяхъ, и что по этому естественно думать, что такіе флоты проникали и въ Каспійское море и навѣдывались въ устья Терека [1]) вслѣдствіе чего и рязанцы пустились туда не *незнакомымъ* будто-бы *имъ путямъ*. На дѣлѣ же было вовсе не такъ. Въ то время, за 25—30 лѣтъ до паденія Казани и Астрахани, Золотая орда хотя и была ослаблена внутренними несогласіями, однако по отношенію къ Россіи, которую она считала своею данницей, представляла силу еще весьма внушительнаго свойства, какъ въ Казани и Астрахани, такъ и въ Крыму, опираясь на могущественную въ то время Турцію; словомъ, сильно облегала съ востока, юга и частію съ запада всю тогдашнюю Россію и, конечно, не позволила бы внутри своихъ владѣній распоряжаться не только какимъ нибудь рязанскимъ казакамъ, но даже и новгородцамъ. Чтобъ доказать еще болѣе несостоятельность разсужденій объ этомъ г. Попки, стоитъ только припомнить при какихъ обстоятельствахъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный могъ овладѣть царствами Казанскимъ и Астраханскимъ, чрезъ 30 лѣтъ послѣ описываемаго г. Попкой мнимаго переселенія рязанскихъ казаковъ чрезъ владѣнія ордынскія на берега Терека. Историкъ Соловьевъ говоритъ: „мы видѣли, что въ концѣ „правленія Елены царства Казанское и Крымское соеди-

---

[1]) Карамзинъ говоритъ о разбояхъ новгородцевъ на Волгѣ и Камѣ съ 1371 по 1376 годъ; онъ ни слова не упоминаетъ, *чтобъ новгородцы проникали въ то время въ Каспійское море*, а г. Попка изъ этихъ наѣздовъ дѣлаетъ выводы для облегченія переселенія рязанскимъ казакамъ въ 1530 годахъ, т. е. чрезъ 150 лѣтъ позже, когда отношенія Золотой орды къ Россіи сдѣлались озлобленными за прекращеніе платежа дани, и при томъ выводы основанные на его личномъ мнѣніи, совершенно произвольномъ.

Примѣч. автора.

„нились подъ властію одного дома Гиреевъ—крымскихъ „и потому стали *очень опасны* для Москвы. Сафа-Гирей „казанскій опустошилъ области муромскую и костром-„скую; Саипъ-Гирей крымскій подходилъ къ Окѣ со „всею ордою."

Подобныя опустошенія ордою русскихъ областей до самой Москвы, были не рѣдки не только послѣ Куликовской битвы, но продолжались даже послѣ покоренія Казани и Астрахани, со стороны орды Крымской. Этой послѣдней ордѣ Россія *платила поминки* или дань, даже до временъ Петра Великаго и только въ его царствованіе, въ 1700 году, при заключеніи мира съ Турціею, крымскій ханъ отказался отъ ежегодныхъ поминокъ, которые до сихъ поръ обыкновенно присылались ему изъ Москвы, какъ сказано въ исторіи Соловьева. Наконецъ Іоаннъ IV рѣшился покончить съ Казанью; 16 іюня 1552 года, продолжаетъ Соловьевъ. царь выступилъ въ походъ, но въ самомъ началѣ пути получилъ вѣсть, что крымскій ханъ съ большимъ войскомъ идетъ къ московскимъ границамъ, Іоаннъ рѣшилъ переправиться чрезъ Оку и встрѣтить хана, но пришла вѣсть, что крымцы не могли взять Тулы, были побиты на вылазкѣ и бѣжали назадъ въ степь. Избавившись такимъ образомъ отъ крымцевъ, Іоаннъ продолжалъ походъ и 23 августа осадилъ Казань. У осаждающихъ было 150000 войска и 150 пушекъ, но осажденные не смотря на то, что защищались только деревянными стѣнами, выставили отчаянное сопротивленіе, и только 2 октября Казань была взята приступомъ послѣ *страшной* рѣзни." Далѣе Соловьевъ говоритъ: „наконецъ взятіе Казани было важно въ томъ отношеніи что *открыло для русской торговли все теченіе Волги*, дало возможность русскимъ людямъ селиться на юго-востокъ въ безлюдной но богатой, плодоносной странѣ, орошаемой Волгой

и ея притоками". Разсказавъ потомъ о покореніи и Астрахани, тотъ же историкъ добавляетъ: „такимъ образомъ русскіе люди утвердились и *на устьяхъ* Волги."

Слѣдовательно татары еще не были окончательно сбиты въ описываемое авторомъ „Очерка" время, напротивъ, для Россіи они представляли если не совсѣмъ грозную, то во всякомъ случаѣ внушительную опасность. Что же касается возможности новгородскимъ и другимъ удальцамъ проникать на своихъ ладьяхъ въ Каспійское море, чрезъ владѣнія Золотой орды, то объ этомъ г. Попка можетъ позволять себѣ *думать что ему угодно;* исторія же русская и лѣтописи не только хранятъ о томъ глубокое молчаніе, но даже прямо говорятъ, что только послѣ паденія Казани и Астрахани *открылось для русскихъ все теченіе Волги*, и что тогда только русскіе утвердились *на устьяхъ Волги*, а стало-быть нижнее теченіе Волги отъ Казани и самое море Каспійское для русскихъ *были совсѣмъ закрыты и недоступны*. Какимъ же образомъ, спросимъ мы автора, рязанскіе казаки могли переселиться на берега Терека, по Волгѣ и морю Каспійскому не только безпрепятственно, но даже съ нѣкоторою торжественностію какъ описываетъ г. Попка? Послѣ паденія Казани и Астрахани вся вольница занимавшаяся грабежемъ по Волгѣ, дѣйствительно хлынула въ Каспійское море и начала обшаривать берега Персіи, Дагестана, Урала и Терека. Но вскорѣ затѣмъ и донцы, предки гребенскихъ казаковъ, занимавшіеся тамъ же и тѣмъ же промысломъ ушли: одни на Каму и въ Сибирь, другіе чрезъ Каспійское море на Уралъ, третіе тѣмъ же путемъ на Терекъ, а четвертые-сухимъ путемъ на Куму и тоже за Терекъ.

Послѣ этаго мы займемся самимъ переселеніемъ рязанскихъ казаковъ, которыхъ г. Попка отправляетъ на Терекъ въ числѣ 4000 душъ обоего пола. Опъ ни слова

не говоритъ о средствахъ перевозочныхъ, а переселяетъ ихъ на бумагѣ весьма просто и легко, чего на самомъ дѣлѣ быть не могло ни въ какомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что г. Попка отправляетъ ихъ въ путь, по его выраженію, *съ родомъ и племенемъ и со всѣми животы*, а слѣдовательно со всѣмъ домашнимъ скарбомъ и продовольствіемъ, и опредѣляетъ плаваніе ихъ ровно въ одинъ мѣсяцъ.

По этому мы и займемся пополненіемъ и разъясненіемъ тѣхъ пробѣловъ, какіе въ сочиненіи автора оказались. Прежде всего предствляется вопросъ: сколько и какого типа судовъ потребно было для перевозки 4000 рязанскихъ казаковъ, весьма дальнимъ рѣчнымъ и морскимъ путемъ? Мы возмемъ въ этомъ случаѣ за норму числительность людей и лодокъ у новгородскихъ разбойниковъ, о которыхъ говоритъ Карамзинъ, что отряды ихъ доходили до 2000 человѣкъ на 150 лодкахъ. И такъ для рязанцевъ потребовалось бы по меньшей мѣрѣ 300 большихъ лодокъ баркасовъ, или струговъ, какъ ихъ называетъ г. Попка по старинному.

Опредиливъ колпчество судовъ, необходимо разрѣшить невольно навязывающіеся вопросы: а) могли ли рязанцы, жители сухопутные, при томъ большею частію военные, какъ казаки, не свѣдущіе въ судостроеніи, въ теченіи семи недѣль великаго поста, построить и снарядить 300 большихъ струговъ, въ суровое зимнее время, когда работать нужно было на открытомъ воздухѣ? Всѣ свѣдущіе люди, какихъ мы объ этомъ распрашивали, рѣшительно отказываются этому вѣрить.

б) Можно ли было рѣшиться на такое *дальнее и опасное плаваніе* людямъ сухопутнымъ, не свѣдующимъ въ мореплаваніи, при томъ чрезъ море Хвалынское, извѣстное съ древнихъ временъ своимъ бурнымъ характеромъ? Конечно ни одинъ здравомыслящій человѣкъ на это ни-

когда бы рѣшиться не могъ, да и надобности въ такомъ опасномъ переселеніи *по водѣ* не было ни какой, въ виду извѣстности древнимъ казакомъ *сухопутнаго тракта* на Куму и Терекъ, гораздо кратчайшаго, по коему было привезено въ Москву тѣло убитаго князя Михаила Тверскаго, какъ это выше нами указано, и по которому потомъ бѣжала часть донскихъ казаковъ, спутниковъ Ермака, на Куму же и Терекъ. Нужно еще прибавить, что казаки вообще, а древніе въ особенности, были большіе знатоки всѣхъ путей сообщенія. Это знаніе доказано тѣмъ, что казакъ Дежневъ открылъ проливъ, названный послѣ Беринговымъ, за 100 лѣтъ до Беринга, а другая партія казаковъ нашла дорогу даже на Амуръ, въ Албазинъ, за 200 лѣтъ до присоединенія его къ Россіи. Но г. Попка является тутъ на подмогу съ какою то новгородской станицей (отрядъ), будто-бы на ту пору зимовавшей у рязанцевъ и согласившеюся вмѣстѣ съ ними переселиться за Терекъ, тѣмъ болѣе, что эти новгородцы яко-бы оставили свои прошлогодніе струги *тамъ гдѣ-то, въ буеракахъ* на Волгѣ, какъ выражается авторъ, а слѣдовательно повели рязанцевъ на новое мѣсто не незнакомымъ путемъ—по словамъ автора. Всѣ эти вводныя авторъ дѣлаетъ очевидно съ цѣлію подтвердить ту его любимую мысль, которую онъ считаетъ для себя *позволительною*, что яко-бы разбойничьи шайки, гулявшія по Волгѣ, болѣе чѣмъ за четверть вѣка до покоренія Казани, проникали и въ море Хвалынское, о чемъ достовѣрная исторія говоритъ совершенно противное, какъ выше объяснено. Странно еще и то, за чѣмъ новгородцы очутились на зимовкѣ у рязанцевъ, вдали отъ Волги, когда у подобныхъ молодцовъ вся дружба водилась преимущественно съ прибрежными жителями, которые снабжали ихъ продовольствіемъ, а когда нужно было и укрывали отъ преслѣдованія властей, и съ которыми они

дѣлились даже и добычей, награбленной на Волгѣ? Объ этомъ г. Попка хранитъ полное молчаніе.

Но новгородцы нужны были автору еще и для того, чтобъ провести рязанцевъ торжественно по Волгѣ и по морю Хвалынскому *съ развернутымъ* будто-бы во главѣ этой большой армады (иначе и нельзя назвать 300 большеструговъ съ 4000 пасажировъ) *новгородскимъ стягомъ*, на коемъ изображены два медвѣдя съ тремя свѣчами зажженными на престолѣ, и который будто-бы и доселѣ хранится въ гребенскомъ полку (какая изумительная смѣлость у автора софиста) *и котораго- тамъ во всѣ времена*, прибавимъ мы отъ себя съ полнымъ убѣжденіемъ. Въ Кизляро-Гребенскомъ полку, въ числѣ старинныхъ, совершенно ветхихъ, знаменъ, на которыя нѣтъ ни какихъ документовъ, потому что они истреблены въ давно минувшіе времена, при пожарахъ, сохранилось три знамени тоже очень ветхихъ. Отъ бывшаго Кизлярскаго полка одно знамя краснаго цвѣта, съ разными украшеніями, кои за ветхостью разобрать трудно, и съ надписью: „Божіею милостью царей и великихъ князей Іоанна „Алексіевича и Петра Алексіевича всея великія и ма„лыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ. Построено сіе зна„мя при державѣ пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ „великихъ государей во имя Святыя Троицы и Благовѣр„наго великаго князя Всеволода по святомъ крещеніи „Гавріила (Псковскій чудотворецъ)“.

„И при бытности въ Псковскомъ государствѣ ближ„няго окольняго и воеводы и намѣстника нижегородска„го Петра Матвѣевича Апраксина съ товарищи“.

„Отъ сотворенія міра 7201 года марта въ первый „день“.

„Строилъ сіе знамя стольникъ и полковникъ Иванъ „Михайловичъ Кокошкинъ псковскихъ стрѣльцовъ пер„ваго полку“.

Отъ бывшаго гребенскаго полка два знамени изъ шелковой розовой матеріи, съ изображеніемъ, въ срединѣ герба Новгородской губерніи, представляющаго золотое кресло, въ серебряномъ полѣ, съ красною подушкой, на которой поставлены крестообразно съ правой стороны скипетръ и съ лѣвой крестъ; на верху кресла подсвѣчникъ съ тремя горящами свѣчами и по сторонамъ два стоящіе медвѣдя.

Ужъ не эти ли послѣдніе два знамени г. Попка считаетъ за тотъ *стягъ*, съ которымъ будто бы новгородская партія удальцовъ привела рязанскихъ казаковъ по морю Хвалинскому къ устьямъ Терека? Если это такъ, потому что ни какого другаго *стяга* тамъ нѣтъ, то нельзя не удивлятся принятой г. Попкой теоріи доказательствъ. Если по этимъ двумъ знаменамъ полагать, непремѣнно присутствіе въ средѣ гребенскихъ казаковъ новгородцевъ, то слѣдуетъ допустить такое же присутствіе и псковскихъ стрѣльцовъ 1-го полка по первому знамени. Но это, очевидно, вышла бы нелѣпость. Дѣло объясняется однако гораздо проще. Вообще о древнихъ знаменахъ и значкахъ, имѣющихся въ кизлярскомъ и гребенскомъ полкахъ, *намъ лично хорошо извѣстныхъ*, на которыя нѣтъ ни какихъ документовъ, мы можемъ, привести изъ имѣющейся у насъ въ копіи грамоты Императрицы Екатерины I, 29 ноября 1725 года за № 7563, на Астрахань, войскому атаману Антону Андрееву и всему Астраханскому войску, слѣдующія выраженія: „пунктъ 6-й: вамъ-же дать знамена изъ мундирной кон„торы, *каковыя прежде сего давались казакамъ* и саб„ли изъ старыхъ, какія имѣются въ оружейной пала„тѣ“. А въ заключеніи этой грамоты о сдѣланныхъ распоряженіяхъ сказано: „да вамъ-же выдать на войско „въ Москвѣ и съ конторы военной коллегіи изъ ста„рыхъ *нерегулярныхъ* знаменъ, *каковыя даны Яик-*

„*скимъ* (Уральскимъ) казакамъ, большихъ на войско „два, да малыхъ десять, итого двѣнадцать знаменъ". Изъ этого ясно видно, что всѣмъ казакамъ въ тѣ времена жаловались знамена *старыя нерегулярныя*, т. е. стрѣлецкія, какъ это подверждается надписью на знамени псковскихъ стѣльцовъ, а на двухъ знаменахъ новгородскихъ, по совершенной ихъ ветхости, надписей не сохранилось. И такъ, вопросъ о мнимомъ *стягѣ* разрѣшается гораздо проще нежели думаетъ объ этомъ г. Попка, подобнаго стяга, какой описываетъ онъ, въ Гребенскомъ полку никогда небыло и нынѣ нѣтъ [1]).

Теперь по порядку нужно рѣшить еще одинъ вопросъ: какія тяжести могли имѣть рязанцы при своемъ переселеніи? Во первыхъ, имъ нужно было имѣть съ собою продовольствія по меньшей мѣрѣ на полтора мѣсяца: на мѣсяцъ въ пути и на двѣ недѣли по прибитіи на мѣсто, до пріисканія какихъ либо другихъ средствъ, такъ какъ этого продовольствія, проходя владѣніями непріятельскими Золотой орды, а такъ же и по морю, не, гдѣ было взять. Въ то время было въ большомъ употребленіи толокно, и такъ полагая только по два пуда толокна на каждую душу, составится 8000 пудовъ, прибавьте къ этому еще хотя полъ мѣры крупъ и соли—будетъ всѣхъ 10000 пудовъ. Во вторыхъ, домашній скарбъ, какъ бы онъ малъ не былъ (бѣлье, одежда, постели, посуда, боевые снаряды, порохъ и свинецъ), нужно опредѣлить по одному пуду на душу 4000 пудовъ; итого стало быть рязанцы могли имѣть съ собою самыхъ необходимыхъ тяжестей ни какъ не менѣе

---

[1]) Любопытно знать отъ г. Попки: откуда онъ взялъ, что разбойничьи шайки, хотя бы и новгородскія, дѣйствовавшія преимущественно воровскимъ, т. е. тайнымъ образомъ, имѣли форменныя и освѣщенныя вѣками военныя знамена или стяги и на что они имъ нужны были? Эту новость мы слышимъ въ первый разъ!

Примѣч. автора.

14000 пудовъ, т. е. около 50 пудовъ на каждый стругъ. При обыкновенномъ транспортированіи сухимъ путемъ, для поднятія такой тяжести, нужно не менѣе 300 пароволовыхъ подводъ, которыхъ у переселенцевъ вовсе не было, да и быть не могло. Разъ коснувшись этого—не волью является другой вопросъ: какимъ же способомъ, съ такимъ тяжелымъ грузомъ на стругахъ, рязанцы могли перенестись съ Дона, сухимъ путемъ, на разстояніи около 60-ти верстъ въ Волгу? Волокомъ? Но это было имъ рѣшительно не подъ силу. Если и было за обычай, какъ говоритъ авторъ, а также и другіе историки, что разбойники и вообще пловцы переносили, или переволакивали съ Дона въ Волгу свои легкія лодки, вмѣщавшія въ себѣ отъ 2-хъ до 4-хъ человѣкъ, безъ всякой тяжести, то этотъ способъ отнюдь, и ни въ какомъ случаѣ, нельзя примѣнять къ рязанцамъ, переселяемымъ г. Попкой за Терекъ, иначе такихъ лодокъ имъ понадобилось бы не менѣе 1000, да и на тѣхъ они не могли помѣстить всѣхъ своихъ тяжестей, а почти нагишомъ и съ пустымъ желудкомъ, какъ то дѣлали разбойники; никто, *съ родомъ и племенемъ*, переселяться въ такую даль не станетъ. Къ этому нужно добавить, что когда турецкая семидесяти тысячная армія въ 1569 году (Истор. Броневскаго т. I стран. 56) предприняла походъ для обратнаго покоренія Астрахани, описанный Броневскимъ и повторенный у г. Попки, шла лѣвымъ берегомъ Дона, по пынѣшнимъ задонскимъ степямъ, и на судахъ тянула съ собой вверхъ по Дону артиллерію съ снарядами, то дойдя до той же Колачецарицинской переволоки между Дономъ и Волгой, попробовала было переволокти тѣ суда съ тяжестію въ Волгу; но это оказалось, даже для такой большой арміи, невозможнымъ и паша Касимъ, ею предводившій, вынужденъ былъ,только съ 12 легкими пушками, идти подъ Астрахань, а всю ос-

тальную артиллерію отправить обратно водою же въ Азовъ. Что-жъ, послѣ этого, сказать о возможности переволоки рязанскихъ большихъ струговъ, нагруженныхъ тяжестями, чрезъ ту же мѣстность? Конечно то, что это дѣло никогда небывалое, даже немыслимое. Придумывая разныя доказательства, чтобы увѣковѣчить въ исторіи мнимое переселеніе рязанскихъ казаковъ за Терекъ, г. Попка привотитъ еще одинъ фактъ въ пользу этого переселенія, вѣроятно, съ его точки зрѣнія, весьма вѣскій, на нашъ же взглядъ прямо и вполнѣ подтверждающій наше мнѣніе объ этомъ вымыслѣ, съ чѣмъ немогутъ не согласиться всѣ практическіе свѣдущіе люди. Не далеко отъ впаденія р. Терека въ Каспійское море есть заливъ, именуемый Аграханскимъ. Г. Попка говоритъ, что это названіе заливъ получилъ отъ одного изъ потомковъ Батыя Агры-Хана, который кочевалъ въ этихъ мѣстахъ съ своею ордой (противъ этого мы не имѣемъ ни какихъ возраженій). Когда случалась въ задонскихъ степяхъ, между Дономъ и Волгой, безкормица отъ не урожая травъ, то Агры-Ханъ приходилъ на зимовку съ своей многочисленной ордой и такими же многочисленными, конечно, стадами, въ рязанскую землю, на Червленный-Яръ, гдѣ казаки оказывали ему добрыя услуги, (какія—авторъ умалчиваетъ, не договариваетъ), т. е. вѣроятно доставляли кормъ его стадамъ.—вѣдь этого только и могъ искать Агры-Ханъ отъ голодовокъ. Узнавъ, продолжаетъ авторъ, что рязанцевъ присоединяютъ къ Москвѣ и сожалѣя объ ихъ участи (подумаешъ какое теплое участіе бралъ татаринъ въ русскихъ, которыхъ считалъ собаками), Агры-Ханъ звалъ ихъ на берега Терека, и вотъ они воспользовалось этимъ приглашеніемъ, явились къ Агры-Хану, нашли у него радушный пріемъ, но по томъ, *неизвѣстно почему* (отъ чего же этого неизвѣстно такому знатоку?) пошли вверхъ по

Тереку и поселились выше слiянiя р. Аргуна съ р. Сунжей. Какой въ самомъ дѣлѣ удивительный фактъ! Агры-Ханъ, владѣлецъ большаго улуса, какъ называетъ авторъ, находилъ (и конечно не одинъ разъ какъ понимать нужно), съ своей ордой и своими многочисленными стадами, спасенiе отъ безкормицы *въ рязанской землѣ куда приходилъ зимовать*. Но г. Попка вѣроятно знаетъ же, что въ достопатятномъ 1812 году, если Россiя избавилась отъ нашествiя французовъ и съ ними двунадесяти языкъ, то, не зависимо отъ храбрости своего воинства и стойкости своего народа, возставшаго на защиту отечества, какъ одинъ человѣкъ отъ мала до велика,—этимъ все таки она обязана была, главнымъ образомъ, нашей родной сѣверной, лютой и продолжительной зимѣ, отъ которой западные европецы, составлявшiе армiю Наполеона I-го, падали и замерзали, какъ мухи, тысячами. Какъ историческiй писатель, г. Попка также долженъ понимать, что если и Золотая орда, покоривъ и разворивъ всю сѣверную Россiю, не расположилась въ ней на всегда станомъ на жительство, то этимъ мы обязаны были опять таки той же суровой и продолжительной зимѣ, которой какъ восточный татаринъ, такъ и западный европецъ, одинаково выносить не могутъ. И не смотря на все это, не смотря даже на то, что рязанскiе казаки физически не могли обезпечить всѣ многочисленныя стада ордынскiя Агры-Хана продовольствiемъ, въ продолженiи долгой и суровой зимы, онъ, г. Попка, посылаетъ бѣднаго Агры-Хана *на зимовку* въ засыпанную глубокими снѣгами, холодную рязанскую землю, *на явную погибель*. Автору историческаго очерка не мѣшало бы посмотрѣть хотя теперь, на трухмянскiй и кара-нагайскiй народъ, составляющiй ничтожные остатки нѣкогда могущественной Золотой орды и кочующiй по нынѣ на тѣхъ же задон-

скихъ степяхъ и по берегамъ Каспійскаго моря съ своими стадами. Онъ бы увидѣлъ, что обыкновенно эти кочевники никогда сѣна не косятъ и зимуютъ по берегамъ моря, гдѣ въ огромныхъ камышахъ и въ высокой сухой травѣ, находятъ и тихій пріютъ отъ бурь, и обильный кормъ для своего скота. Съ ранней весной и до половины лѣта, они постепенно отходятъ, съ малыми остановками, внутрь страны, на сѣверъ, въ направленіи къ рѣкѣ Манычу; дойдя до этой рѣки, составляющей границу Донской земли и Астраханской губерніи, они поворачиваютъ обратно и также, постепенно подвигаясь, къ зимѣ опять приходятъ къ морю. И такое движеніе совершается ими неизмѣнно изъ года въ годъ также, какъ это было, безъ всякаго сомнѣнія, и въ прежнія, давнія времена.

О гребенской депутаціи, будто-бы приходившей въ Москву къ царю Ивану Васильевичу Грозному съ повинной, совмѣстно съ большою (изъ 150 лицъ) кабардинской депутаціей, пріѣзжавшею въ Москву въ 1555 г., т. е. послѣ паденія Казани и Астрахани, искать покровительства грознаго царя отъ притѣсненій Шамхала Тарковскаго, и говорить бы не стоило, послѣ всего выше сказанаго, такъ какъ *въ тѣ отдаленныя времена никакихъ еще казаковъ за Терекомъ не было*, да и быть не могло, тѣмъ болѣе, что о кабардинской депутаціи есть лѣтописныя сказанія, а о гребенскихъ казакахъ въ нихъ не упоминается ни слова. Въ подтвержденіе этого мы опять сошлемся на историка Соловьева, который говоритъ. „*утвержденіе на устьяхъ Волги открыло* Московскому государству цѣлый міръ мелкихъ владѣній въ Прикавказьѣ: князья ихъ ссорились другъ съ другомъ, терпѣли отъ крымцевъ и потому, какъ скоро увидѣли у себя въ сосѣдствѣ могущественное государство, то и бросились къ нему съ просьбами союза, сво-

бодной торговли въ Астрахани, *нѣкоторые съ предложеніемъ подданства*, и такимъ образомъ не замѣтно, волею неволею, затягивали Московское государство все далѣе и далѣе на юго-востокъ, къ Кавказу и за него". Вотъ стало быть съ чего началось наше движеніе на Кавказъ и вотъ что было причиною пріѣзда кабардинской депутаціи. Но авторъ историческаго очерка, безъ малѣйшаго колебанія, присоединяетъ гребенцовъ всюду, гдѣ ему это нужно: и въ первый походъ дагестанскій, и при построеніи города Терки и въ кабардинскую депутацію, словомъ вездѣ, гдѣ лѣтописи не говорятъ объ нихъ ни одного слова, и по своему обыкновенію, разсказываетъ такъ, какъ будто былъ самъ очевидцемъ, что не только царь простилъ гребенцовъ, но и пожаловалъ ихъ рѣкою вольною Терекомъ и приказалъ имъ: „беречь его вотчину кабардинскую", который, добавимъ, у него тамъ, въ то время, и въ поминѣ не было. Въ доказательство этого событія авторъ приводитъ старинную пѣсню, будто-бы доселѣ существующую на Терекѣ. Мы повторимъ эту пѣсню, приводимую г. Попкой.

Не бѣлые-то гуси въ полѣ гогочутъ,
Не сѣрые орлы въ поднебесьи клекочутъ,
То гребенскіе казаки предъ царемъ гуторятъ,
Предъ грознымъ царемъ Иваномъ да Васильевичемъ,
Они самому-то царю-надежѣ говорятъ,
Ой, ты, батюшка, нашъ православный царь,
Чѣмъ ты насъ подаришь, чѣмъ пожалуешь?
Подарю я васъ казаченьки, да пожалую
Рѣкой вольною, Терекомъ—горяничемъ
Отъ самого гребня до синя моря,
До синя моря и до Каспицкаго.

Мы утверждаемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что пѣсня эта принадлежитъ *донскимъ казакамъ*, и что приведенная здѣсь, составляетъ не болѣ какъ варіантъ, или подраженіе древней пѣснѣ, передѣланной на новый

ладъ какимъ либо досужимъ казацкимъ трубадоромъ. Въ очень молодые лѣта, въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка, мы много разъ слыхали эту пѣсню *о тихомъ Донѣ Ивановичѣ*, пѣтую донскими пѣсенниками изъ служившихъ на Кубани полковъ войска донскаго: Колпакова, Рубашкина, Скасырскаго, Луковкина Жирова и другихъ и даже въ 50-хъ годахъ, въ бытность въ походахъ Чеченскихъ, не разъ слыхали эту же пѣсню въ полку Баклапова, *но никогда не слыхали мы чтобы пьли ее казаки гребенскіе*. Народными пѣснями мы всегда интересовались и, будучи довольно хорошо знакомы съ музыкой и пѣніемъ, знаемъ ихъ много на голосъ, сословами, а такъ же имѣемъ много печатныхъ сборниковъ съ пѣснями. Намъ не трудно доказать, что пѣсня эта не принадлежитъ гребенцамъ и что рѣка Терекъ-Горынычъ и море Каспійское въ нихъ есть не болѣе какъ вставки позднѣйшаго времени на мѣсто Дона Ивановича и моря Азовскаго. По отношенію къ донскимъ казакамъ эта пѣсня имѣетъ полный смыслъ. Грозный царь жаловалъ Донцовъ рѣкою вольною, тихимъ Дономъ-Ивановичемъ, берущемъ начало внутри Россіи и впадающимъ въ море Азовское, на ея окраинахъ. Этою рѣкою Донцы съ тѣхъ поръ и владѣютъ вполнѣ съ обоихъ ея береговъ, *отъ верху до низу*, какъ въ пѣсни поется. т. е. отъ мѣста, гдѣ она становится *судоходною* до самаго моря, она вся находится въ единственомъ владѣніи Донцовъ на протяженіи около 800 верстъ. Что-же сказать о Терекѣ? Какъ могъ царь жаловать его гребенцамъ, коль скоро рѣка эта въ то время была очень далека отъ Россіи и вовсе ей не принадлежала? Да гребенцы, когда первоначально пришли съ Дона за Терекъ и Сунжу, на этой рѣкѣ вовсе не жили до 1711 года, т. е. до переселенія ихъ сначала на правый берегъ, а въ послѣдствіи на лѣвый, по повелѣнію императора

Петра I. Съ тѣхъ поръ и по нынѣ они владѣютъ половиною рѣки только всего на пространствѣ верстъ 80, изъ 500 верстъ всего ея протяженія, и находятся отъ берега моря Каспійскаго верстахъ во 100, на коихъ ранѣе ихъ сѣли станицы бывшаго Терскаго семейнаго войска и Кизлярскаго полка, а отъ горъ, откуда беретъ начало рѣка—верстъ на 300 и болѣе. Къ чему же тутъ примѣнить слова пѣсни, *отъ самыхъ горъ даже до самаго моря Каспійскаго?* Вѣдь это не болѣе какъ поэтическая мечта, свойственная пѣсни, а не дѣйствительность, а стало быть и не составляетъ факта историческаго. Наконецъ самая рѣка въ то время носила имя *Терки,* имя женскаго рода, это легко доказать тѣмъ, что въ 1577 году построенъ былъ городъ Терки, что въ одномъ литературномъ журналѣ 1760 года, издававшемся при академіи наукъ, говорится о казакахъ живущихъ на *Терки*, и разъяснено, что *имя Терки, означаетъ множественное число,* а что собственное имя произносится *Терка;* въ сочиненіи же Ригельмана, въ 1778 году, она все еще называется Терка, а мы прибавимъ еще, что карапагайскій народъ, одинъ изъ самыхъ древнихъ нынѣшняго кавказскаго населенія около береговъ Терека и моря Каспійскаго, и по нынѣ называетъ эту рѣку Терка. Называться же Терекомъ, именемъ мужскаго рода, она началась сравнительно не давно, т. е. лѣтъ сто съ небольшимъ. Что это имя передѣлано нами Русскими, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Для примѣра приведемъ рѣку Бѣлую, за Кубанью. Эта рѣка еще въ 20-хъ годахъ нашего вѣка писалась во всѣхъ походахъ, вносимыхъ въ формуляры офицеровъ оффиціально Шагуаше, что значитъ въ буквальномъ переводѣ съ абадзехскаго на русскій языкъ: *бѣлая вода*, затѣмъ переименована нами въ рѣку Бѣлую. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что и *Терку* мы переименовали въ *Терекъ*, такъ какъ

это имя болѣе подходитъ къ нашему славянскому произношенію. Но въ такомъ случаѣ, возникаетъ вопросъ: что-же станется съ легендарною приставкой, столь возлюбленной г. Попкой, къ имени *Терки-„Горынычъ“?* Вѣдь она окажетъя невозможною? Увы!—да эта приставка вполнѣ умѣстная въ извѣстной сказкѣ о Змѣѣ Горынычѣ, вовсе не свойственная при имени женскаго рода, которое носила въ древности рѣка Терекъ, также легко улетучится въ воздушномъ пространствѣ, какъ улетучивается легкій утренній туманъ, покрывающій долину, при первыхъ яркихъ лучахъ восходящаго солнца. А потому о легендѣ *Терекъ-Горынычъ*, составляющей особую главу въ „Очеркѣ“, какъ о плодѣ глубоко-изобрѣтательнаго ума автора, ни сколько, впрочемъ не интересной, мы распространяться считаемъ излишнимъ. Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ *объ излюбленномъ*, какъ его называетъ авторъ, *городкѣ Червленномъ*, который гребенцы озаботились построить будтобы прежде всего. Ригельманъ, въ своей исторіи говоритъ, что когда гребенцовъ стали тѣснить горцы, то они перешли по-сю сторону Терека (надо разумѣть правую сторону рѣки, гдѣ засталъ ихъ адмиралъ Апраксинъ, переселившій ихъ на нынѣшнія мѣста, т. е. на лѣвую сторону рѣки),—и поселились тремя деревнями называемыми: Кардюкова, Гладкова и Шадрина, которыя получили эти названія отъ имепъ своихъ *осадчиковъ*, т. е. предводителей, или атамановъ осѣвшихъ съ казаками на постоянное жительство. Потомъ огородили эти деревни, укрѣпили и назвали городками. Съ увеличеніемъ ихъ числа, построили еще два городка Новогладской и Червленной. Въ журналѣ 1760 года, на который мы дѣлали уже указаніе, сказано, что главнымъ городкомъ у гребенцевъ былъ Кардюковъ и что вообще главнымъ городкомъ бывалъ тотъ, въ которомъ былъ избранъ восковой атаманъ, такъ какъ онъ оставался на

жительствѣ въ своемъ домѣ и въ другой городокъ не переходилъ, а о *Червленномъ городкѣ, будто-бы излюбленномъ,* въ этомъ журналѣ вовсе неупоминается; въ исторіи же Ригельмана сказано прямо, что онъ *построенъ послѣ всѣхъ.* Изъ этого становится очевиднымъ, что такого городка, при первоначальномъ поселеніи гребенцовъ за р. Сунжей вовсе несуществовало, а построенъ онъ уже по переходѣ гребенцовъ изъ за Сунжи на правый берегъ Терека, да и то послѣ всѣхъ. Какое же основаніе имѣлъ авторъ сборника называть Червленный городокъ излюбленнымъ *и прежде другихъ построеннымъ,* въ воспоминаніе будто-бы о Червленномъ-Ярѣ [1])? На этотъ и подобные ему вопросы у автора обыкновенно нѣтъ никакого доказательства, или отвѣта. И такихъ мѣстъ въ очеркѣ не мало, какъ мы уже выше показали: авторъ просто отдѣлывается молчаніемъ, именно тамъ, гдѣ, по существу дѣла, всего болѣе требуется непремѣнное разъясненіе. Неосновательность и полная бездоказанность такого происхожденія гребенцовъ нами, смѣемъ думать, вполнѣ уже доказана, тѣмъ болѣе, что подобное переселеніе совершенно противорѣчитъ всѣмъ традиціямъ старыхъ боевыхъ казаковъ. Всюду они и въ Сибири, и на Амурѣ, въ Албазинѣ, и на Уралѣ являются одни, въ видѣ военныхъ отрядовъ, въ среду кото-

[1]) И этотъ городокъ, какъ оказывается, названъ также по имени своего атамана *Червленки.* Что всѣ эти станицы получили свои названія отъ своихъ атамановъ: Курдюка, Гладкаго, Шадры и Червленки, видно изъ описанія Кавказской области генеральнаго штаба штабсъ-капитана Келемберга 1834 года № 7. (См. дѣло бывшаго штаба Команд. войсками Кавказской линіи и Черноморіи за 1839 г. № $^{8}/_{47}$). Это описаніе Келемберга сдѣлано было тогда, когда еще не было напечатано сочиненіе Ригельмана, а потому достовѣрность этихъ названій не подлежитъ ни какому сомнѣнію, такъ какъ Келембергъ записалъ ихъ со словъ старожилыхъ гребенцовъ. *Примѣч. автора.*

ныхъ никогда ни подъ какимъ видомъ женщины не допускались. Также точно явились они и за Терекомъ, въ видѣ военнаго отряда, безъ женъ и дѣтей, да и семейная жизнь въ то время даже на Дону была, такъ сказать, только въ зародышѣ. Броневскій въ своей Исторіи, на которую мы ссылались, часть III, на стран. 123, говоритъ, что въ тѣ времена донскіе казаки какъ легко доставали себѣ женъ, такъ легко съ ними и разставались. Если жена какому казаку не нравилась, онъ выводилъ ее въ народное собраніе (мірская сходка) и объявивъ гласно, что она ему *не люба*, тутъ же отдавалъ, или продавалъ ее первому встрѣчному, кому она нравилась, за условную плату, или даже за снабженіе харчами для предстоящаго похода. Отъ этого и вѣнчальныхъ женъ тогда было мало, а больше были жены не вѣнчальныя, сожительницы мужчинъ, которыя однако, тѣмъ не менѣе считались женами законными, на равнѣ съ первыми. Нѣтъ, стало быть, причины полагать, чтобъ и у рязанскихъ казаковъ, въ пору ихъ существованія, былъ въ этомъ отношеніи семейный союзъ крѣпче чѣмъ на Дону, такъ какъ коренные обычаи у всѣхъ стародавнихъ казаковъ безъ различія—были всюду одни и тѣ же.

IV.

Въ эпиграфѣ къ этой статьѣ мы помѣстили мнѣніе почтеннаго г. Бентковскаго, автора „Заселенія Черноморіи“ и многихъ другихъ монографій, [1]) составленныхъ

[1]) Смотр. Библіографическій указатель историко-статист. матеріаловъ и статей г. Бентковскаго, помѣщенныхъ въ сборникахъ статистическихъ свѣдѣній о Ставропольской губерніи и въ Ставропольскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ съ 1868 по 1881 годъ. *Примѣч. автора.*

имъ о Кавказѣ и его колонизаціи по архивнымъ документамъ съ географическою картой, на которой показанъ съ самаго начала занятія нами этой части края, постепенный и послѣдовательный ходъ водворенія русскаго населенія,— мнѣніе заключающееся въ томъ, что: „новая исторія сѣвернаго Кавказа—дѣло потомства; подборъ для нея матеріаловъ—дѣло современниковъ".

Мы вполнѣ раздѣляемъ это дѣльное мнѣніе чрезвычайно трудолюбиваго на этомъ поприщѣ дѣятеля, труды коего по описанію колонизаціи сѣвернаго Кавказа съ картою, только на половину еще составленною, были удостоены высокимъ и милостивымъ вниманіемъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Михаила Николаевича. Мы по этому, полагаемъ что по окончаніи кавказской войны въ 1864 году, настало время собирать матеріалы для исторіи Кавказа, а не сочинять историческіе очерки, наполненые невѣроятными сказаніями, безъ всякой исторической основательности, или выражаясь библейскимъ языкомъ: *прежде каменіе собирати, а потомъ и храмину созидати.* Вотъ почему мы въ началѣ этой статьи сочли нашимъ долгомъ представить вниманію любезнательнаго и безпристрастнаго читателя прежде всего всѣ тѣ документальныя данныя о происхожденіи гребенскихъ казаковъ, какія были намъ давно извѣстны и находились въ нашемъ распоряженіи. Мы не дѣлаемъ изъ нихъ никакихъ выводовъ, предоставляя это будущимъ историкамъ *Кавказской войны,* длившейся болѣе вѣка. Но, не можемъ не обратить вниманія безпристрастнаго читателя, что всѣ эти историческія сказанія, не смотря на огромную между ними разницу во времени; не смотря на то, что авторы ихъ не знали вовсе другъ друга, писали свои сочиненія или донесенія на далекомъ одинъ отъ другаго разстоянія и даже не подозрѣвали существованія какихъ ли подобныхъ сочиненій, гораздо ранѣе ихъ на-

писанныхъ, какъ, напримѣръ, исторіи Рпгельмана, *вполнѣ согласны въ главномъ, что предки гребенскихъ казаковъ бѣжали съ Дона около 1584 года* [1]) *отъ преслѣдованія воеводы Мурашкина*, т. е. спустя болѣе 30 лѣтъ послѣ покоренія Казани и Астрахани и по прошествіи около восьми лѣтъ послѣ построенія на р. Терекѣ городка, или острога, укрѣпленія Терки, который они нашли уже опустѣлымъ и его заняли. Объ этомъ то фактѣ, какъ мы полагаемъ, говорятъ и Дебу и Броневскій, но нѣсколькѣ иначе. Установивъ, такимъ образомъ, фактъ *дѣйствительнаго происхожденія гребенскихъ казаковъ отъ донскихъ*, мы не можемъ не отмѣтить еще выяснившихся, по отношенію къ нимъ, другихъ фактовъ изъ сопоставленія выше приведенныхъ историческихъ сказаній, а именно:

1). Отъ поисковъ воеводы Мурашкина донскіе казаки разбѣжались четырьмя партіями: первая съ Ермакомъ ушла въ Сибирь, вторая чрезъ Каспійское море, въ устья Яика (Урала), третья тѣмъ же моремъ къ устьямъ Терека, а четвертая, сухимъ путемъ, на Куму и за Терекъ.

2). Изъ этихъ партій третья, приставшая къ устьямъ Терека, испросивъ прощеніе у царя чрезъ терскаго воеводу, вошла въ составъ Терскаго войска, первоначально образовавшагося на низовьяхъ р. Терека и осталась тамъ навсегда, слившись съ стрѣльцами и городовыми казаками, приведенными Лукьяномъ Новосильцевымъ, и въ это время уже переведенными съ верхняго Терс-

[1]) Мы принимаемъ этотъ годъ за время прибытія за Терекъ предковъ гребенскихъ казаковъ потому, что одновременно съ ними ушедшіе товарищи ихъ чрезъ Каспійское море на Уралъ, остановились тамъ въ 1584 году, послѣ неизбѣжныхъ странствованій и осмотра мѣста для водворенія, и что подобное же странствованіе нужно отнести въ равной мѣрѣ и къ ушедшимъ за Терекъ.

Примѣч. автора.

каго городка въ устроенный на взморьѣ нижній Терскій городокъ.

3). Казаки же четвертой партіи, ушедшіе на Куму и поселившіеся за Терекомъ, составляютъ *настоящихъ предковъ* нынѣ гребенскихъ казаковъ, которые на низовьяхъ Терека никогда не жили и даже когда Петръ Великій пожелалъ переселить ихъ на Сулакъ, возмѣрились было бѣжать за Кубань; но, по отмѣнѣ этого переселенія, остались на прежнихъ мѣстахъ и только переселились съ праваго берега Терека на лѣвый.

и 4) Всѣ разсказы г. Попки о мнимомъ переселеніи рязанскихъ казаковъ, при участіи новгородскихъ ушкуйниковъ, за 25 лѣтъ до покоренія Казани и Астрахани, а также пріѣздъ ихъ, будто бы, съ кабардинской депутаціей, участіе въ первомъ дагестанскомъ походѣ и охраненіе ими же верхняго городка Тереки—суть не болѣе какъ вымыслы самаго автора, рѣшительно ни на чемъ не основанные.

Необходимо добавить, что всѣ приведенныя историческія данныя были въ рукахъ г. Попки, исключая исторію Ригельмана, о которой, повидимому, ни онъ, ни г. Абрамомъ вовсе не знали и которая является *наиболѣе обстоятельною и подробною* относительно происхожденія гребенскихъ казаковъ, времени и причины ухода ихъ съ Дона, изъ какихъ элементовъ они постепенно образовались, на какихъ первоначально мѣстахъ были ихъ поселенія, ихъ названія и какъ они управлялись. Эта исторія тѣмъ драгоцѣннѣе въ данномъ случаѣ, что она написана, или матеріалы для нея, по крайней мѣрѣ, собраны были авторомъ во время построенія Кизлярской крѣпости въ 1735 году, назадъ тому почти полтора вѣка (146 Л). и когда отъ появленія гребенцовъ за Терекомъ прошло тоже не болѣе полтора вѣка, а слѣдовательно въ такое время, въ которое были еще въ

живыхъ люди втораго и, во всякомъ случаѣ, не далѣе третьяго поколѣнія отъ пришедшихъ первоначально съ Дона казаковъ, а отъ присоединившихся къ нимъ изъ шайки Разина и другихъ бунтовщиковъ стрѣльцовъ и того ближе, въ памяти которыхъ могли вполнѣ сохраниться всѣ подробности, относившіяся къ происхожденію ихъ предковъ.

Но авторъ историческаго очерка хранитъ объ этихъ данныхъ глубокое молчаніе, такое глубокое, что ихъ какъ будто-бы вовсе не существовало. Это молчаніе мы объясняемъ тѣмъ, что авторъ опровергнуть ихъ очевидно не могъ, а признать ихъ также не хотѣлъ потому, что такое признаніе *разрушило бы до основанія первоначальный его планъ, о комъ сказано ниже* въ заключеніи къ этой статьѣ. Но авторы приведенныхъ историческихъ данныхъ, были люди высокаго образованія и такого же высокаго общественнаго и служебнаго положенія; они, исключая атамана Николаева, не принадлежали къ казачьему сословію, писали свои сочиненія или донесенія и хронику вполнѣ безпристрастно, какъ это читатель легко можетъ заключить изъ приведенныхъ нами подробныхъ выписокъ, ихъ слѣдовательно нельзя обвинять въ искаженіи фактовъ, относящихся къ происхожденію гребенскихъ казаковъ, или въ желаніи умалить славу этой геройской горсти русскихъ людей, долгое время сидѣвшей въ предгоріяхъ восточнаго Кавказа.

Совершенно наоборотъ, г. Попка, никогда не служившій въ Терскомъ войскѣ и мало его знающій, будучи, такъ сказать, въ немъ гостемъ, по просьбѣ начальства Терской области, какъ о томъ было заявлено въ газетахъ года три тому назадъ, принялъ на себя обязанность написать историческій очеркъ, появившійся въ концѣ 1880 года, ко времени празднованія 300-лѣтняго юбилея Терскаго казачьяго войска, исполнившагося въ

1877 году. Слѣдовательно г. Попка написалъ этотъ очеркъ по заказу, съ очевидною поспѣшностію, безъ надлежащей повѣрки фактовъ, какъ это мы уже надѣемся доказали и еще докажемъ ниже. Ясно, стало быть, что сочиненіе это не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ приведенными выше историческими данными, о которыхъ онъ умалчиваетъ, и которыя, тѣмъ не менѣе, остаются *единственнымъ достовѣрнымъ письменнымъ источникомъ о дѣйствительномъ происхожденіи гребенскихъ казаковъ*. Смѣемъ думать, что казаки вообще не нуждаются въ сочиненіи для нихъ такого генеалогическаго древа какое придумалъ г. Попка для гребенскихъ казаковъ. По этой генеалогіи выходитъ, какъ говоритъ г. Попка въ своемъ сочиненіи, что когда татары покорили Россію—всѣ дружины удѣльныхъ князей, будто-бы, разбѣжались, потому что имъ нечѣмъ было кормиться такъ сладко, какъ онѣ прежде кормились за столомъ княжескимъ, а чтобъ добыть такую ѣду, для дружинниковъ княжескихъ, по словамъ п. Попки, оказывалось безразличнымъ: *нѣтъ войны—подавай хоть разбой*, (Каково, подумаешь, болѣе чѣмъ страннаго, мнѣнія г. Попка объ этихъ дружинахъ, а вѣдь онѣ, эти дружины, составляли главный оплотъ власти и силы велико-княжеской, какъ въ правительствѣ, такъ и на полѣ брани). И вотъ, *по этой причинѣ*, будто-бы разбѣжавшіяся княжескія дружины послужили основаніемъ для *разбойничьихъ шаекъ и для казаковъ*, отъ которыхъ г. Попка производитъ рязанскихъ, а отъ послѣднихъ уже гребенскихъ. Все это разсужденіе лишено малѣйшей исторической подкладки. Мы повторяемъ, что казаки вовсе не нуждаются въ подобной генеалогіи. Для нихъ совершенно достаточно того, что въ тѣ времена почти всеобщаго порабощенія русскихъ людей, они одни оставались *вольными* людьми, и такое сознаніе всегда со-

ставляло лучшую ихъ гордость и славу. (См. „Трехсотлѣтіе Войска Донскаго, стр. 48“).

Полагаемъ, что мы достаточно уже представили вниманію читателей весьма вѣскихъ аргументовъ о полнѣйшей невозможности переселенія рязанскихъ казаковъ за Терекъ почти за 30 лѣтъ до паденія *Казани и Астрахари*, когда все нижнее теченіе Волги, съ Каспійскимъ моремъ, находились во владѣніяхъ озлобленной Золотой орды, считавшей русскихъ своими данниками, и было недоступно русскимъ, по крайней мѣрѣ въ такой степени, чтобы по немъ можно было проплыть такому огромному каравану не только безпрепятственно, но даже торжественно. Мы, поэтому, не станемъ повторять того, что уже извѣстно читателю изъ вышеприведенныхъ историческихъ сказаній. Но мы допускаемъ полную возможность *ухода на Донъ большой части рязанскихъ казаковъ*, недовольныхъ предстоявшею имъ участью, въ моментъ присоединенія къ Московскому государству, на томъ основаніи, что самъ авторъ историческаго очерка приводитъ изъ исторіи Карамзина укорительныя письма еще великаго князя Іоанна III, главнѣйшаго собирателя русской земли къ правительницѣ рязанскаго княжества вдовѣ великой княгинѣ Аграфенѣ, въ 1502 году, такого содержанія: „твоимъ людямъ служилымъ быти „всѣмъ на моей службѣ, а ослушается кто и пойдетъ са„модурью на Донъ (а г. Попка въ своихъ разсужде„ніяхъ добавляетъ еще отъ себя и на Волгу) въ молоде„чество ихъ бы ты, Аграфена, велѣла казнити, вдовьимъ „да женскимъ дѣломъ неотпираясь, а по уму бабью на „учнешъ казнити, што ихъ мнѣ велѣти казнити“.

Если подобные уходы рязанскихъ казаковъ именно на Донъ, а не въ другое мѣсто (какъ то прибавляетъ г. Попка и *на Волгу*), были еще при Іоаннѣ III и были конечно не единичные, а не малыми артелями, или частя-

ми, иначе бы они не вызвали столь грозныхъ писемъ великаго князя,—то всего правдоподобнѣе и даже естественнѣе предположить, что недовольные рязанцы и въ моментъ присоединенія этого княжества къ Москвѣ въ 1520 году, т. е. чрезъ 18 лѣтъ послѣ приведеннаго письма, ушли не незнакомымъ путемъ, какъ выражается г. Попка, по отношенію въ Тереку. куда онъ ихъ переселяетъ, *а вполнѣ извѣстною торною дорогой* на Донъ, въ его широкія и привольныя раздолья, гдѣ Москва никого не стѣсняла и гдѣ подобнымъ молодцамъ былъ полный просторъ для ихъ молодеческой дѣятельности, при чемъ не требовалось никакихъ особыхъ снаряженій или приготовленій, представлявшихъ неодолимыя затрудненія, какъ то мы выяснили, такъ какъ они шли въ такую сторону, гдѣ уже было много ихъ земляковъ, даже односельцевъ, или станичниковъ, постоянно туда уходившихъ и гдѣ, стало быть, они могли вполнѣ найти и радушный пріемъ и русскую хлѣбъ-соль. Такому нашему мнѣнію мы нашли подтвержденіе въ краткой выпискѣ матеріаламъ для исторіи Кавказа, извлеченной изъ книги матеріаловъ собранныхъ и не изданныхъ академикомъ Бутковымъ, которая была прислана изъ Академіи наукъ г. Попкѣ для составленія имъ историческаго очерка о Терскихъ казакахъ. Въ этой выпискѣ въ пунк. 12 сказано: „верховые или старые донскіе казаки соединились съ древними рязанскими, обитавшими по Хопру“. Это ясно доказываетъ, что г. Попка обходилъ молчаніемъ такіе и имъ подобные историческіе факты, не смотря на очевидную ихъ правдивость, какъ не согласные съ его предвзятою цѣлію. Авторъ говоритъ, что гребенскіе казаки происходятъ отъ племени велико-русскаго; войсковая хроника 1850 года, данная нами въ руки г. Попки, сказала это же самое ранѣе его за 30 лѣтъ, а изъ исторіи Ригельмана, нами приведенной, ясно видно, что гребен-

ское войско образовалось постепенно изъ элемента, преимущественно велико-русскаго. Мы же прибавимъ, что и донскіе казаки большею частію принадлежатъ къ тому же самому племени велико-русскому. Легко могло случиться и даже представляется вполнѣ правдоподобнымъ, что въ числѣ ушедшихъ съ Дона за Терекъ предковъ гребенскихъ казаковъ, между 1580 и 1584 годами, была не малая часть и потомковъ рязанскихъ казаковъ, бѣжавшихъ на Донъ въ 1520 году и даже гораздо ранѣе, но эти люди ни въ какомъ случаѣ, уже не могутъ быть называемы рязанскими казаками, такъ какъ они родились и выросли на Дону, въ 65-лѣтній періодъ и даже болѣе, прошедшій со времени бѣгства ихъ предковъ изъ окраины рязанской на Донъ,—а слѣдовательно это были уже природные донскіе казаки.

На страницѣ 18 своего историческаго очерка г. Попка утверждая мнимое переселеніе рязанскихъ казаковъ за Терекъ въ 1530 годахъ, подкрѣпляетъ это сказаніе. такими разсужденіями:

„Вообще это была эпоха открытаго появленія вольна„го русскаго казачества на всѣхъ углахъ обширной спе„ны его исторической дѣятельности, то поднимающейся „до высоты эпическаго героизма, то падающей въ низ„менность разбоя изъ за куска хлѣба. Надобно замѣ„тить, что это казачество, вслѣдствіе одного и того-же „политическаго кризиса—не умолимой государственной „централизаціи, *появилось въ одно время и на Дону,* „*и на Волгѣ* , *и на Яикѣ и на Терекѣ*, съ той только „разницей, что въ одномъ мѣстѣ большими, въ другомъ „меньшими артелями. *Совершенно произвольно говорятъ* „*нѣкоторые систематики, что Донское войско есть* „*метрополія, изъ которой вышли казачьи колоніи на* „*другія рѣки.* Такъ можно воображать только подъ впе„чатлѣніемъ позднѣйшаго порядка вещей, разсматривая,

„напримѣръ, побѣгъ Игната Некрасова на Кубань, или „правительственное переселеніе сказочныхъ казаковъ съ „донскихъ заполыныхъ рѣкъ на Терекъ, въ Петрово вре„мя; старый же ходъ дѣлъ показываетъ, что донское „казачество прежде чѣмъ усѣлось въ своей палестинѣ, „довольно мыкалось въ разныхъ направленіяхъ, смотря „по тому, откуда вѣтеръ дулъ Такъ въ 1569 году, когда „гребенцы давно уже жили осѣдло у живописныхъ бере„говъ Сунжи (какое дивное воображеніе у автора!), тур„ки и крымцы посланные султаномъ Селимомъ отвое„вать назадъ у русскихъ Астрахань, прошли весь Донъ „отъ Азова до нынѣшняго Калача и не встрѣтили ни „одного казака. Доказательство, *что донцовъ на Дону „въ смыслъ обитателей страны* еще не было".

Такимъ образомъ г. Попка въ своихъ голословныхъ разсужденіяхъ зашелъ такъ далеко, что ему не оставалось другаго средства выйдти на историческую почву, какъ прибѣгать къ софизмамъ и вымысламъ. Такъ онъ поступилъ и въ данномъ случаѣ. На перекоръ историческимъ сказаніямъ, онъ смѣло утверждаетъ, что въ описываемое время: „*Донцовъ на Дону въ смыслъ обитателей страны еще не было*". А слѣдовательно читатель понимать долженъ, что и гребенцы оттоль не могли выйдти. Но кто же не знаетъ, что страна лежащая по лѣвую сторону рѣки Дона, отъ Азова до Калача, или такъ называемыя задонскія степи, *и въ наше время*, на своемъ огромномъ пространствѣ, весьма мало обитаемы, да и то только живутъ на нихъ кочевые, приписанные къ донскому войску, калмыки, да нѣсколько десятковъ хуторовъ конно-заводчиковъ, разсѣянныхъ на полутора милліонномъ пространствѣ десятинъ, а ближе къ Азову и низовьямъ Дона водворено уже въ нашемъ вѣкѣ до 5-ти станицъ. Во время прохода турецкой арміи въ 1569 году, эта страна была *совершенною пу-*

стыней, на которой, конечно, турки не могли встрѣтить *ни одной живой души*. Все же населеніе донскихъ казаковъ группировалось въ то время, какъ и нынѣ, на правой сторонѣ Дона, а въ послѣдствіи распространилось по сѣверному Донцу, Хопру, Медвѣдицѣ и другимъ рѣкамъ.

Броневскій въ своей исторіи на страницѣ 55 описывая походъ той-же турецкой арміи, говоритъ, что „Донскіе казаки, уступя столь сильной арміи, принуждены были скрываться въ дальнихъ степяхъ".

Вотъ, стало быть простая и ясная разгадка, почему турки на лѣвой сторонѣ Дона, помимо самой пустынности края въ тѣ времена, не могли встрѣтить ни одного казака. Слѣдуя по тому же пути доказательствъ, г. Попка и трехъ атамановъ, совѣщавшихся на низовьяхъ Волги, въ 1579 году, куда имъ укрыться отъ царскаго гнѣва, называетъ атаманами *Волжскихъ казаковъ;* эти атаманы были: Ермакъ, Нечай и другіе. Но всѣ казаки безъ различія знаютъ, что Ермакъ былъ донской казакъ, Качалинской станицы, что Гугинъ, ушедшій на Яикъ, былъ Гугинцкой станицы; точно такъ и другіе вышли съ донскихъ станицъ; а называемые г. Попкой волжскіе казаки—были донскіе казаки, для уничтоженія разбоевъ которыхъ на Волгѣ и для наказанія ихъ за это, былъ посланъ воевода столышкъ Мурашкинъ, съ царскимъ войскомъ, отъ преслѣдованія котораго всѣ тѣ атаманы и казаки разбѣжались въ разныя стороны: въ Сибирь, на Яикъ, на Терекъ и на Куму сухимъ путемъ, а оттоль тоже за Терекъ, какъ нами выше уже было разъяснено. Но все это было, прибавимъ мы, уже спустя почти 30 лѣтъ. послѣ паденія Казани и Астрахани, т. е. около 1580—1584 годовъ, какъ говоритъ достовѣрная исторія.

Броневскій въ своей исторіи на стр. 62 и 63, описавъ бѣгство Ермака на Куму, а Андрея за Терекъ, говоритъ далѣе „третья ватага, грабительствовавшая близъ „сѣверныхъ береговъ моря Каспійскаго и уже знакомая „съ Сарайчикомъ, черезъ который проходилъ главный „торговый путь изъ Азова, съ атаманомъ Нечаемъ, въ „числѣ 800 человѣкъ, въ мѣстахъ привольныхъ для „рыбной ловли и корму скота, въ 1584 году, на Яикѣ „поселилась. Сіи яикскіе казаки, въ послѣдствіи уральскими названные, по 1711 годъ. принадлежали къ составу войска донскаго и вмѣстѣ съ онымъ состояли въ „вѣдомствѣ посольскаго приказа. Нѣсколько прежде должно полагать образованіе общества *волжскихъ* казаковъ, также отъ донскихъ отпатнувшихся, которые „при начальномъ своемъ поселеніи только лѣтомъ жили „при Волгѣ, а на зиму уходили на Донъ по своимъ городкамъ".

И не смотря на все это, извѣстное г. Попкѣ также какъ и намъ, онъ на стр. 14 своего очерка описывая мнимое переселеніе рязанскихъ казаковъ въ 1530 годахъ, говоритъ: „направлялись въ описываемое время, и другіе „сходцы на Донъ, такіе же отщепенцы московской цен„трализаціи, нѣкоторымъ изъ нихъ также казалось, что „Донъ все еще близко къ Москвѣ. и они тянули дальше на востокъ, въ непроглядныя заволжскія пустыни [1]) „гдѣ и были остановлены Яикомъ (Ураломъ). Такъ какъ „на тогдашнемъ Яикѣ терялась уже всякая, можно сказать, государственная перспектива (да ее тамъ въ то „время и въ поминѣ еще не было, прибавимъ мы), то

---

[1]) Какъ вѣрно изображаетъ г. Попка положеніе этихъ мѣстъ, можно судить потому, что даже нынѣ, послѣ великихъ переворотовъ въ Азіи и ея народахъ, уменьшившихъ населеніе, на этихъ мѣстахъ живетъ двухмиліонное племя киргизовъ или башкиръ.

Примѣч. Автора.

„они безъ дальнѣйшихъ колебаній водворялись тамъ, вы-„тѣсняя татаръ, и вскорѣ стали извѣстны подъ именемъ „Яицкихъ (уральскихъ) казаковъ".

Но откуда и кто были эти сходцы, или отщепенцы, какъ ихъ г. Попка называетъ? Онъ опять хранитъ полное молчаніе,—словомъ авторъ любитъ рисовать туманныя картины. На сколько онѣ пригодны въ историческомъ трудѣ—предоставляемъ судить читателямъ. Замѣтьте, что все это было, по словамъ г. Попки, за 30 лѣтъ до паденія Казани, и что эти сходцы и отщепенцы г. Попки распоряжались во владѣніяхъ Золотой орды какъ у себя дома. Г. Попка хотя припомнилъ бы примѣръ подобнаго хозяйничанья 800 казаковъ, забравшихся гораздо далѣе Яика, на Амуръ, въ Албазинъ, въ предѣлы Китая, гдѣ они начали собирать дань съ китайскихъ подданныхъ и то, какъ китайцы, собравши большое войско—истребили ихъ до единаго. Думаетъ ли авторъ, что Золотая орда побоялась бы поступить подобнымъ же образомъ и съ горстью его сходцевъ и отщепенцевъ, которые забрались на Яикъ, въ самую глубь орды, и стали распоряжаться тоже какъ у себя дома? Мы полагаемъ, что и Золотая орда поступила бы съ ними также, какъ китайцы поступили съ другими казаками, если бы они точно туда явились въ то время. Но такъ какъ этого на самомъ дѣлѣ не было, да и быть не могло, то г. Попка можетъ утѣшиться созданымъ воображеніемъ его занятіемъ Яика, для излюбленной имъ идеи, еще въ 1530 годахъ. И такъ, послѣ всего разъясненнаго, не остается ни малѣйшаг осомнѣнія въ томъ, что, на перекоръ мнѣнію г. Попки, *донское войско есть метрополія, изъ которой вышли казачьи колоніи на другія рѣки:* на Волгу, на Уралъ, на Терекъ, на Кубань и даже въ новѣйшее время, на Лабу, Урупъ, Бѣлую и Сунжу, что уже всѣмъ хорошо извѣстно. Намѣреніе автора *умалить*

значеніе Дона въ этой его важной государственной заслугѣ—не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, такъ какъ всѣ его разсужденія объ этомъ оказываются совершенно *голословными и бездоказательными.*

Чтобъ убѣдить читателя, что мы не даромъ называемъ твореніе г. Попки поспѣшно написаннымъ по заказу,—мы, изъ многихъ фактовъ, приведемъ, для краткости и ясности, только одинъ *немаловажный*. Во вступительномъ очеркѣ на стран. XXIX авторъ говоритъ о занятіи передовыхъ линій на Кавказѣ казачьими поселеніями слѣдующее: „Выдвиганіе станицъ на Сунжу началось съ „1845 года, когда еще населеніе владикавказскаго ка„зачьяго полка не было вполнѣ закончено. Въ то же „время совершалось аналогичное выдвиганіе линіи и со „стороны Кубани на Лабу".

Между тѣмъ дѣло было совершенно на оборотъ. Лабинская линія, занятая въ 1841 году, были уже *вполнѣ заселена вся*, когда сунженская только что начинала заселятся. Это событіе всѣмъ еще находящимся въ живыхъ современникамъ вполнѣ и точно извѣстно. И такихъ промаховъ въ очеркѣ наберется не мало: о нихъ мы, современемъ, напишемъ особую статью. Если г. Попка *такъ вѣрно* разсказываетъ о событіяхъ, совершавшихся на памяти современныхъ людей нашего вѣка, имѣя подъ руками ставропольскій архивъ,—то что же можно сказать о достовѣрности его повѣствованій о событіяхъ, будто-бы бывшихъ за три съ половиною и даже болѣе вѣка тому назадъ, о которыхъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ исторіи не сохранилось никакихъ сказаній? И *такое* сочиненіе авторъ еще считаетъ *серьезнымъ вкладомъ*, въ русскую историческую литературу?

Заключеніе.

Въ своемъ очеркѣ г. Попка говоритъ: „Въ 1559 го-„ду было послано на Шамхала царское войско, при ко-„торомъ должны были находиться гребенскіе казаки и „этотъ актъ *позволительно* считать за начало ихъ служ-„бы государству. Къ сожалѣнію, продолжаетъ далѣе ав-„торъ очерка, историческій памятникъ, передавшій намъ „извѣстіе объ этомъ первомъ походѣ русскаго войска въ „Дагестанъ, не сообщаетъ желательныхъ подробностей“,— т. е. говоря точнѣе: *не упоминаетъ о гребенскихъ казакахъ*, потому что ихъ тамъ небыло. Вотъ стало быть грандіозный планъ свыше чѣмъ 300-лѣтняго юбилея Терскаго войска, а въ частности гребенскихъ казаковъ, составленный г. Попкой гораздо ранѣе появленія въ свѣтъ его творенія, планъ, который затмилъ-бы такой-же юбилей Донскаго войска празднованный назадъ тому лѣтъ 12, доказавъ, что гребенцы возникли ранѣе донцовъ и подтвердивъ всѣ мечтанія г. Попки, о которыхъ мы уже довольно говорили. Но случалось вовсе не то, чего такъ пламенно желалъ авторъ очерка. Военное министерство, руководимое лицомъ высокопросвѣщеннымъ, вполнѣ основательно, какъ это иначе и быть не могло, назначило началомъ Терскаго казачьяго войска—1577 годъ, въ которомъ воевода Лукьянъ Новосильцевъ, приведшій на Терекъ царское войско изъ государевыхъ городовыхъ казаковъ и стрѣльцовъ, построилъ городъ Терки, какъ объ этомъ уже было сказано. Эти казаки и стрѣльцы, по упраздненіи города Терки, чрезъ восемь лѣтъ, были сведены на низовья р. Терека и водворены въ устроенномъ тамъ новомъ городкѣ названнымъ также Терки: они остались навсегда на Терекѣ и послужили основа-

ніемъ для стараго Терскаго семейнаго казачьяго войска, вошедшаго въ составъ Кизлярскако казачьяго полка. Объ этихъ то казакахъ инженеръ генералъ-маіоръ Ригельманъ, строитель Кизлярской крѣпости въ 1735 году, въ своей исторіи говоритъ слѣдующее:

„*Древніе терскіе казаки,* которые жили при Кизляр„ской крѣпости, *произошли не отъ донцовъ, а присланы* „*изъ сѣверныхъ русскихъ городовъ* царями, начиная „отъ Ивана Васильевича и поселены были при Терекѣ „въ Терскомъ городкѣ, а потомъ при Терскомъ редутѣ; „отсюда переселены въ крѣпость Честнаго Креста, а по„томъ переведены въ Кизлярскую крѣпость, такъ какъ „и терскіе семейные, о нихъ подробнѣе сказано въ кни„гѣ: „Изъясненіе о Кизлярской крѣпости". [1])

И вотъ на долю потомковъ *этихъ то первоначальныхъ колонизаторовъ на Терекѣ*, находящихся въ составѣ „прежняго Кизлярскаго казачьяго полка, вопреки мнѣнію г. Попки, и выпала доля, вполнѣ справедливая, праздновать Всемилостивѣйше пожалованный юбилей Терскому казачьему войску, равно какъ имъ-же предоставлено и старшинство въ составѣ старшаго въ этомъ войскѣ Кизляро-Гребенскаго полка, постановкою впереди названія Кизлярскаго, а потомъ уже Гребенскаго полковъ, въ такомъ видѣ: *Кизляро-Гребенской полкъ.* Если авторъ высказываетъ *сожалѣніе* о томъ, что историческій памятникъ о походѣ 1559 года не говоритъ ничего о гребенскихъ казакахъ, точно также какъ и въ меморіи Лукьяна Новосильцева о построеніи города Терки, объ нихъ то-же ничего не упоминается,—то причина этому ясная: *ихъ въ то время за Терекомъ вовсе не было,*

[1]) Это «*Изъясненіе о Кизлярской крѣпости*» осталось не изданнымъ въ рукописи въ фамиліи Ригельмана, и вѣроятно есть въ дѣлахъ Инженернаго департамента или бывшей Военной коллегіи.

Примѣч. автора.

какъ это подробно и обстоятельно нами доказано на основаніи историческихъ документовъ, а потому хотя г. Попка и утверждаетъ, что, по его мнѣнію, походъ 1559 года *позволительно* считать началомъ ихъ службы государству,—этого однако же не случилось, потому-что такими голыми фразами, къ какимъ авторъ прибѣгаетъ: *„позволительно считать, естественно думать“*,—ни какое историческое событіе утверждаемо быть не можетъ.

2007056002